

КОГДА СВОБОДА ТРЕБУЕТ

РОБЕРТ Т. КОЛДУНОВ

18+

Место под кожей

Роберт Т. Колдунов

Когда свобода требует

«Автор»

2026

Колдунов Р.

Когда свобода требует / Р. Колдунов — «Автор», 2026 — (Место под кожей)

Вторая книга из серии "Место под кожей" Город привык жить рядом с оборотнями. Они работают, платят налоги и стараются быть такими же, как люди. Но страх никуда не исчез. Когда на окраине находят тело частично обращённого оборотня, дело быстро закрывают как обычную драку между своими. Только Итан не верит в эту версию. Аурелия, устроившись архивистом в полицию, случайно находит старые дела — и понимает, что такие смерти происходят уже много лет. Убитые оборотни, исчезающие пули и слишком чистые отчёты. Кто-то систематически убивает их. И кто-то внутри системы помогает это скрывать. Пока город делится на тех, кто требует свободы, и тех, кто боится её, правда становится опаснее любых когтей. А когда выстрелы звучат уже в самом центре города, Итан и Аурелия понимают: их расследование может стать искрой, которая превратит страх в настоящую войну.

© Колдунов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Когда свобода требует

Глава 1

Земля под лапами мягкая, уже тёплая от солнца, но ещё держала ночную влагу. Она вошла в неё глубже, чем нужно, рыхлила неаккуратно, срывала верхний слой, оставляя неровные борозды, и тут же возвращалась, выравнивала, проводя лапами медленнее, осторожнее, будто училась заново. Грязь липла к шерсти, к подушечкам, забивалась между пальцами, но она не останавливалась — наоборот, уходила дальше вдоль грядки, пока запах сырой земли не становился густым, почти тяжёлым.

Слева — низкие кусты смородины, дальше теплица с мутными стёклами, в которых отражалось небо, выгоревшее до бледного, почти белого. За домом — загон, лениво переступали козы, одна била копытом о доски, коротко, раздражённо. Чуть дальше — курятник, оттуда тянуло перьями, пылью и зерном. Всё это перемешивалось, оседало в горле, в носу, и она различала каждый слой, не задумываясь.

Из дома доносился звон посуды. Металл о керамику, короткий стук, потом голос — низкий, чуть хриплый, с привычной ворчливостью. Бабушка Марна что-то говорила, не громко, но чётко, и следом — более ровный голос Эллиан, матери Итана, спокойный, без нажима. Слова она не разобрала сразу, только интонацию, но уши сами поворачивались в сторону дома, ловят каждое движение звука.

Она вышла из грядки, оставляя за собой развороченную землю, и на секунду замерла, встряхивая лапами — грязь летела в стороны, тёмными брызгами. Потом пошла к крыльцу, не спеша. Дверь была приоткрыта, изнутри тянуло теплом и чем-то сладким, запечённым. Она остановилась у порога.

Мама стояла чуть в стороне, опираясь на косяк, и наблюдала. В её взгляде не было проверки, только внимание. Она кивнула в сторону двора:

— Отряхивайся и заходи. Завтрак почти готов.

Аурелия развернулась, возвращаясь к грядкам. И не оглянулась. Просто пошла туда, где уже была.

Солнце поднялось выше, воздух стал гуще. Земля быстрее сохла, под лапами уже не липло так сильно, крошилось. Она двинулась вдоль рядов, иногда сбиваясь, но снова возвращаясь, и каждый раз, когда поднимала голову, взгляд уходил дальше — мимо забора, к дороге.

Там было пусто. Пыль лежала ровно, без следов шин.

Она остановилась у края грядки, резко встряхиваясь всем телом — сначала головой, потом корпусом, потом хвостом, и грязь слетала с неё тяжёлыми комьями, разлетаясь по сухой земле, по листьям, по доскам ограждения. Несколько капель полетело к стене дома. Она повторила это движение ещё раз, сильнее, до короткой дрожи в мышцах, пока шерсть не стала легче, почти сухой на ощупь. Потом замерла, тяжело дыша, и только после этого сделала шаг в сторону, в тень, где трава ниже и прохладнее.

Обратный переход приходил быстро, без сопротивления. Тело сжималось, ломаясь в привычной уже последовательности, кости смещались под кожей, и через несколько секунд она уже стояла на ногах, босая, с грязью на щиколотках и ладонях. Подняла с земли сложенную одежду, стряхнула с неё пыль, натянула на себя торопливо, будто боясь, что кто-то увидит лишнее, хотя во дворе никого. Пальцы чуть скользнули по ткани, не сразу попадая в рукава.

В дом она зашла без стука, плечом толкнула дверь, и сразу попала в прохладу и запахи — тёплый хлеб, что-то сладкое, молоко. Пол под ногами чистый, она автоматически вытерла ступни о коврик, хотя грязь всё равно осталась на коже.

— Аурелия, — бабушка даже не обернулась сразу, только голос подаёт. — Господи... — выдохнула она, и в нём не было раздражения, только привычка. — Ну, подойди сюда.

Аурелия сделала шаг, потом второй, и на этом остановилась, будто дальше нужно разрешение. Бабушка не стала ждать, сама подошла ближе, схватила её за подбородок пальцами и повернула лицо к свету. Движение резкое, уверенное, без осторожности.

— Вся в земле, — пробормотала она, уже тише, и большим пальцем провела по щеке, стирая засохшую полоску грязи.

Аурелия не сразу среагировала. Стояла, смотрела куда-то мимо плеча, не двигаясь, как будто пропустила момент, когда нужно было что-то сделать. Только когда ладонь задержалась на её лице дольше, чем нужно, она моргнула, чуть сжимая губы, и резко отвела голову в сторону — не сильно, но заметно.

Бабушка на секунду замерла, потом хмыкнула и отпустила её.

— Ладно, сама, так сама, — сказала уже спокойнее, и снова вытерла руки о полотенце.

Мать всё это время стояла у стола, резала что-то на доске, не вмешиваясь. Только подняла взгляд, коротко оценила, и чуть кивнула в сторону умывальника.

Аурелия кивнула в ответ. Подошла к раковине, открыла воду, держала руки под струёй дольше, чем нужно, будто не могла остановиться. Пальцы скользили друг о друга, смывая грязь, потом она зачерпнула воду ладонями и резко провела по лицу. Капли стекали по шее, под ворот.

За спиной снова послышалось движение — бабушка прошла мимо, на секунду коснулась её плеча, почти случайно, но ладонь задержалась на долю секунды дольше. Тепло осталось даже после того, как рука исчезла.

Аурелия замерла, не оборачиваясь сразу. Плечи чуть напряглись, потом опустились. Она закрыла кран и стояла ещё секунду, глядя на свои мокрые руки, прежде чем отойти.

Стол уже был накрыт, но никто не сел сразу. Мать поставила миску в центр, отодвинула нож, вытерла руки о полотенце и только после этого заняла своё место. Бабушка села тяжело, опираясь ладонью о край стола, и сразу потянулась за хлебом, ломая его на крупные куски, не заботясь о крошках.

Аурелия осталась стоять чуть в стороне, ближе к стене, где меньше света. Она смотрела на стол, на руки, которые двигались привычно и без пауз, следила за тем, как ложки касались тарелок, как хлеб переходил из рук в руки. Её пальцы сжались на спинке стула, и она отодвинула его.

Дерево скрипнуло чуть громче, чем нужно. Она села аккуратно, почти не касаясь спиной спинки, колени сдвинуты ближе друг к другу, будто так занимала меньше места.

Тарелка перед ней уже стояла, но она не потянулась к каше сразу. Смотрела, как поднимается пар, как жир собирается по краям, как ложка в руках Эллиан снова и снова проходила один и тот же путь. Только когда Марна кивнула в её сторону, коротко, не глядя, она взяла ложку.

Движение вышло чуть резким. Она зачерпнула слишком много, потом остановилась на секунду, как будто не была уверена, можно ли так, и всё равно поднесла ко рту. Ела быстро, не поднимая глаз, не останавливаясь между глотками, пока не поймала на себе взгляд.

Бабушка смотрела прямо, без осуждения, но долго. Потом пододвинула к ней хлеб, почти толкая его по столу.

— Возьми ещё, — сказала она, и в голосе не было приказа, только привычка.

Аурелия на секунду замерла с ложкой в руке. Потом потянулась, взяла кусок, не глядя на неё, и положила рядом с тарелкой, не сразу решаясь откусить. Пальцы сжали хлеб сильнее, чем нужно, крошки упали на стол.

Мать потянулась через стол, чтобы поправить что-то у неё на плече — складку ткани или прилипшую пылинку. Движение было коротким, почти незаметным, но ладонь коснулась кожи у шеи.

Дед Рейнар появился позже всех, уже когда тарелки были наполовину пустые. Он зашёл тяжело, шаркая, но без слабости — просто медленно. За ним — Дариан, отец Итана, выше, шире, с запахом улицы и табака, который он не курил в доме, но всё равно приносил с собой.

— Уже всё съели? — бросил дед с усмешкой, усаживаясь, и сразу потянулся к еде, не дожидаясь ответа.

— Вы просто поздно пришли, — ответила мать, подвигая миски к обоим мужчинам.

Отец молча кивнул Аурелии, коротко, без лишнего внимания, и сел рядом с Эллиан, целуя ту в щёку. Его взгляд скользнул по столу, по ней, задержался на секунду дольше, чем нужно, и ушёл.

Аурелия к этому времени уже почти всё съела. Ложка лежала в тарелке, пальцы касались края стола, будто проверяли, на месте ли он. Она слушала, как они говорили — про дорогу, про рынок, про то, что в городе снова шумно, — но слова не задерживались, проходили мимо, оставляя только интонации.

— Итан звонил? — спросил Рейнар, не глядя ни на кого конкретно.

— Нет, — ответила Эллиан с лёгкой тоской, слишком быстро, и сразу добавила: — У него работы много.

Отец чуть усмехнулся, без звука, только уголком рта. Наклонился к тарелке, отрезал хлеб. Аурелия подняла голову. На секунду. Слишком резко. Потом опустила обратно, будто это движение было лишним.

После завтрака все разошлись без суеты. Посуда осталась в раковине, мама забрала часть, Марна — другую. Дариан вышел во двор, Рейнар же остался за столом, медленно доедал, не торопясь.

Аурелия вышла следом за отцом, но не подошла к нему. Остановилась на крыльце, потом спустилась, пошла по знакомой тропинке вдоль дома и почти сразу подняла голову.

Дорога была пустая.

Пыль лежала ровно, без следов. Трава у обочины не была примята. Она смотрела недолго, просто зафиксировала, и отвернулась, уходя в сторону загона, где нужно было проверить засов.

Днём солнце стало жёстче. Воздух дрожал над землёй, запахи усилились, смешались. Она снова оказалась ближе к дороге — не сразу, будто случайно, обходя участок по кругу. Остановилась уже ближе, чем утром, почти у самого забора.

Пальцы легли на тёплое дерево. Она стояла дольше, чем нужно, следила за дальним поворотом, откуда обычно появлялась машина Итана. Там по-прежнему было пусто.

За спиной хлопнула дверь. Голоса — мать и бабушка — о чём-то спорили, негромко, привычно. Она не обернулась сразу. Только когда голос стал чуть резче, сделала шаг назад, возвращаясь во двор, будто её позвали, хотя никто не звал.

К вечеру тени вытянулись, воздух стал легче, прохладнее. Работа закончилась сама собой — просто нечего было больше делать. Отец закрыл загон, дед ушёл в дом раньше всех, бабушка осталась на крыльце, перебирала что-то в руках.

Аурелия снова вышла к дороге.

Теперь она не остановилась у забора. Прошла дальше, почти до самой кромки, где пыль была мягче, глубже. Поставила ногу, оставляя чёткий след, потом второй. Стояла, не двигаясь, дольше, чем утром и днём вместе.

Где-то далеко послышалась машина. Не здесь — дальше, за поворотом, за лесом. Звук был тонкий, почти терялся, но она его поймала, подняла голову, вслушалась, задержала дыхание. Шум прошёл мимо. Не сюда. Она осталась стоять ещё несколько секунд, потом резко развернулась и пошла обратно к дому, быстрее, чем обычно, будто догоняла что-то, что уже ушло.

Сначала это было почти незаметно. Не мысль — сбой. Как если бы в тишине вдруг появился лишний звук, который не могла поймать, но уже не могла игнорировать. Она проснулась раньше обычного, ещё до того, как в доме начали двигаться, и лежала, не открывая глаз, потому что тело уже было настроено. Слишком чётко было слышно, как скрипел пол в коридоре. Как кто-то дышал за стеной. Как ветер трогал ставни — не общим шумом, а отдельными, разорванными движениями. Слишком много.

Она села резко, будто её толкнули изнутри, и сразу же потянулась к горлу, к коже, к шрамам, как будто там что-то прилипло. Ничего. Только жар. Он был не снаружи — под кожей, плотный, вязкий, как если бы кровь стала гуще и текла медленнее. Между ног болезненно засадило. Девушка сжала одеяло между ног и закусила уголок рта, но это никак не помогло. Одеяло оказалось лишним, тяжёлым, она скинула его, но легче не стало. Ткань рубашки липла к плечам, к спине, и раздражение было почти мгновенным — тупым, злым. Она дёрнула ворот, оттянула, провела пальцами по ключицам, словно пыталась стереть ощущение.

На кухне пахло слишком резко. Хлеб — слишком тёплый, сладковатый. Масло — жирное, тяжёлое. Даже вода имела вкус, который в обычное время никак не ощущается. Она замерла у стола, не сразу понимая, почему стояла, не двигаясь, пока взгляд не соскользнул в сторону окна.

Дорога. Пустая. Ничего нового. Она отвела глаза, сжала челюсть, села, но есть не стала.

Раздражение приходило волнами. Без причины. Или с причиной, которую она не успевала поймать. Шум ложки о тарелку — слишком громкий. Голос — слишком близкий. Тень, прошедшая по стене — слишком резкая. Она ловила себя на том, что сжимала пальцы до боли, ногти впивались в ладонь, и это почему-то приносило короткое облегчение. Контроль. Хоть что-то.

К полудню стало хуже. Солнце не грело — давило. Кожа не принимала его, как раньше, а отталкивала, будто это было не тепло, а что-то липкое, навязчивое. Она вышла на улицу, но сразу же остановилась, не делая ни шага дальше. Снова дорога. Та же линия, уходящая вглубь, та же пыль, тот же изгиб. Она стояла дольше, чем утром. Намного дольше. Сначала просто смотрела. Потом — всматривалась. Как будто что-то должно было появиться, вынырнуть, нарушить это ровное, тянущееся ничто.

Ничего.

Она резко отвернулась, почти зло, будто дорога её обманула, и вернулась в дом, хлопнув дверью чуть сильнее, чем нужно.

Но внутри было не легче. Наоборот. Стены стали ближе. Запахи — плотнее. Тишина — напряжённее. Она прошла мимо их совместной комнаты, сначала быстро, не останавливаясь, но уже через несколько шагов остановилась. Вернулась. Рука легла на ручку раньше, чем она решила это сделать. Дверь поддалась легко.

Внутри всё было почти так же, как он оставил. Слишком аккуратно. Слишком чисто. Но не пусто. Запах ещё держался — слабый, ускользающий, но узнаваемый. Она втянула воздух глубже, чем собиралась, и сразу же отпрянула, словно обожглась. Злость вспыхнула мгновенно, резкая, короткая.

На него. На себя. На это чувство. Каждый месяц это постоянно повторяется. Если раньше с подавителями она мучилась просто от полнолуния, то после отказа от них, прежние мучение сменилось на животное желание обладания кем-либо. А именно Итаном. Но его не было. Уже второе полнолуние...

Она шагнула внутрь, потом ещё, остановилась у кровати, провела пальцами по покрывалу, не глядя на руку, будто проверяла не ткань, а что-то под ней. Пусто. Конечно пусто. Она резко убрала руку, выпрямилась и вышла, не закрыв дверь.

К вечеру стало невозможно игнорировать. Тело не просто реагировало — требовало. Не словами, не мыслью, а этим тупым, настойчивым напряжением, которое не находило выхода. Кожа жгла. Одежда мешала так, что хотелось сорвать её с себя и выбросить. Она тянула рукава, распускала ворот, снова и снова, как будто ткань каждый раз становилась другой — грубее, теснее.

И где-то под этим, внутри, было другое. Чужое и слишком знакомое одновременно. Не образ — ощущение. Его руки. Не как воспоминание, а как след, оставшийся в теле. Как если бы оно помнило лучше, чем она.

Она вышла на улицу ещё раз, уже когда свет начал гаснуть. Дорога была той же. Но теперь она смотрела на неё дольше всего. Стояла, не двигаясь, пока ноги не начали ныть, пока пальцы не сжались сами по себе. Ветер трогал волосы, приносил запахи, и каждый раз она замирала, ловя их, отделяя, разбирая — но не находила того, что искала.

И это злило больше всего.

Родители собирались без спешки, как всегда. Та же последовательность движений, отработанная до автоматизма: посуда убрана, стол вытерт, сумка поставлена у двери. Мать проверяла что-то по второму разу, перекладывая вещи, будто не доверяла собственным рукам, отец стоял ближе к выходу, уже в куртке, перебирая ключи в пальцах. Разговор был негромкий, обрывистый, не требующий внимания — о списке покупок, о том, что нужно не забыть, о дороге, которая после дождя стала хуже. Он что-то уточнил, она ответила, не поднимая головы, потом коротко бросила Аурелии, чтобы та закрыла за ними и не открывала лишний раз — ветер поднимается.

Она кивнула раньше, чем на неё посмотрели. Слишком быстро. Слишком резко. Будто ждала этой реплики, хотя в ней не было ничего особенного.

Дверь закрылась, и звук защёлки оказался громче, чем должен был. Дом сразу стал другим. Не пустым — глухим. Как будто стены перестали отражать звуки и начали их глотать. Марна и Рейнар были на втором этаже. Она осталась стоять в том же месте, где была, не двигаясь, пока шаги за дверью не растворились окончательно.

Аурелия остановилась посреди кухни, не зная, куда деть руки. Пальцы сжались сами, потом разжались. Снова сжались. Взгляд метнулся к раковине, к полке, к окну — везде уже было сделано всё, что можно. И от этого внутри стало хуже. Пустота не оставляла места, она давила, расплзалась, как вода, находя каждую щель.

Она вышла из кухни, почти резко, как будто там стало тесно. Прошла по коридору, коснувшись плечом стены, и это касание задержалось — кожа отозвалась слишком сильно, будто её задела не случайно. Она остановилась, провела ладонью по тому же месту, уже сама, сильнее, медленнее, и тут же отдёрнула руку.

Комната за комнатой — всё на месте, всё привычно, и от этого ещё хуже. Нечего было поправить. Нечего было сделать. Нечем было заняться. Она зашла к себе, постояла у кровати, села, тут же встала. Ткань под пальцами казалась чужой, жёсткой, будто её только что надели впервые. Она потянула ворот, потом рукава, как делала уже сегодня, и раздражение вспыхнуло мгновенно — короткое, острое.

Она вернулась в коридор, не задерживаясь, и взгляд сам соскользнул туда, куда не нужно было. Дверь. Чуть приоткрытая, как она её и оставила. Она прошла мимо, быстрее, чем собиралась, но шаг сбился уже через секунду. Замедлился. Остановился.

Рука не сразу легла на дверь. Сначала — на косяк, пальцы скользнули по дереву, чувствуя каждую неровность, как будто это имело значение. Потом — толчок. Лёгкий. Дверь открылась шире. Она не заходила сразу. Стояла на пороге, прислушиваясь, хотя слушать было нечего. Тишина. Но не та, что в остальном доме. Другая. Плотнее. Ближе.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Воздух был всё ещё его, но уже слабее, тоньше, как след, который стирается, если провести по нему рукой. Она втянула его глубже, чем нужно, и на секунду замерла, не двигаясь, будто тело решало что-то без неё.

Раздражение пришло сразу после. Резкое. Почти злое. Она прошлась по комнате, быстрее, чем следовало, задела край стола, не обратив внимания. Пальцы коснулись спинки стула, задержались, сжались сильнее, чем нужно, костяшки побелели. Она отпустила.

Сидеть было невозможно. Стоять — тоже. Она вышла, почти выскочила, не закрыв за собой дверь.

К вечеру дом стал тесным. Солнце ушло, но легче не стало. Наоборот. Тени легли плотнее, углы стали глубже, и вместе с этим внутри что-то сжалось сильнее, не давая выдохнуть до конца. Она прошла на кухню, налила воды, поднесла к губам и замерла, прежде чем сделать глоток — запах, вкус, всё слишком отчётливо. Она поставила стакан обратно, не допив.

Руки не находили места. Она то сжимала их, то проводила по предплечьям, по шее, будто проверяла, где заканчивается кожа и начинается это ощущение под ней. Оно не исчезало. Только становилось плотнее.

Она вышла на улицу, уже почти в темноте. Дорога была там же. Та же линия, уходящая вглубь, но теперь она казалась ближе. Или она сама подошла ближе, не заметив. Девушка остановилась. Сначала просто. Потом дольше. Плечи чуть вперёд, будто она тянулась, не двигаясь. Ветер цеплялся за одежду, и она дёрнула ткань на груди, на животе, оттянула, давая коже воздух, но это не помогло.

Она стояла, пока ноги не начали уставать, пока дыхание не стало чуть глубже, чем обычно. Взгляд не отрывался. Как будто если отвернуться — что-то произойдёт мимо неё.

Ничего не происходило.

Она захлопнула за собой дверь чуть сильнее, чем нужно, поднялась к себе, и сразу же потянулась к столу, где лежала книга, будто кто-то мог её забрать. Пальцы сжали обложку, задержались, потом она открыла её на середине, не глядя на номер страницы, и села на край кровати, поджав одну ногу под себя.

Первые строки не зацепились. Глаза скользнули по ним, но смысл не остался, как вода сквозь пальцы. Она моргнула, вернулась назад, провела взглядом снова, медленнее, почти заставляя себя цепляться за каждое слово. Где-то в середине предложения она остановилась, не потому что поняла — просто потеряла нить. Снова вернулась в начало абзаца.

Тишина после этого стала плотнее. Она подержала книгу в руках ещё секунду, потом уронила её рядом, не глядя, куда именно. Пальцы прошли по лицу, по шее, задержались на шрамах чуть дольше, чем нужно, ногти скользнули по коже, оставляя тонкие линии.

Она легла неаккуратно, почти падая, повернулась на бок, потом на спину, снова на бок. Одеядо мешало — она скинула его, через секунду вернула обратно, подтянула к груди, сжала, как будто в нём было что-то, за что можно было ухватиться.

Глаза не закрылись сразу. Потолок был слишком чётким, каждая трещина, каждая тень — всё выделялось, будто кто-то усилил контраст. Она моргнула раз, другой, сильнее, сжимая веки, как будто это могло помочь. Тело не расслаблялось. Наоборот — будто сжималось изнутри, не давая лечь полностью. Она подтянула колени выше, уткнулась лбом в подушку, вдохнула глубже, чем обычно, и на этом вдохе что-то оборвалось.

Сон не пришёл. Он обрушился. Резко. Без перехода. Как будто кто-то выключил свет внутри.

Звук пришёл первым — далёкий, глухой, едва различимый сквозь сон, но он зацепился за неё сразу, как будто прошёл не через уши, а прямо под кожу. Она не проснулась — дёрнулась. Тело напряглось раньше, чем открылись глаза, пальцы сжали простыню, дыхание сбилось на вдохе.

Машина. Ещё далеко. Но уже здесь.

Она лежала неподвижно секунду, может две, и в этой неподвижности что-то начало ползаться внутри, быстро, горячо, как кровь после удара. И только потом пришёл запах. Не сразу — обрывками, как будто ветер доносил его кусками, но этого хватило.

Она резко открыла глаза.

Комната была та же. Потолок, стена, край двери. Но в теле уже не было сна. Совсем. Оно было собрано, натянуто, как перед рывком. Аурелия вдохнула глубже, жадно, будто могла втянуть больше, чем было, и на этом вдохе губы приоткрылись, почти незаметно.

Машина ближе. Запах — чётче.

Она села резко, почти без перехода, ноги сразу нашли пол, холод ударил в ступни, но девушка не отреагировала. Голова повернулась к окну, будто там можно было увидеть раньше, чем услышать. Пусто. Её это не остановило. Она уже встала.

Движения были короткие, быстрые, без лишнего. Дверь открылась с глухим ударом о стену, она не обернулась. Коридор пролетел мимо — ступни били по полу, не разбирая, где мягко, где жёстко. Рука скользнула по косяку, почти задев, но не зацепившись.

Снаружи снова был звук. Ближе. Она резко подняла голову, дыхание сбилось, плечи напряглись, как перед прыжком. Ничего. Только ветер. Она выдохнула сквозь зубы, коротко, и с силой стиснула зубы.

Запах стал плотным. Слишком близко.

Она вылетела во двор, даже не замедлившись на пороге, и сразу — воздух, открытый, тёплый, наполненный им. Грудь резко поднялась, вдох почти рвался, и в этом вдохе что-то сорвалось окончательно.

Машина уже стояла. Двигатель ещё не заглох до конца.

Он не успел закрыть дверь машины, когда она уже была в движении. Ни шага на пробу, ни оклика — только резкий рывок вперёд, босые ступни сорвались с гравия, тело подалось к нему целиком, без расчёта траектории. Аурелия влетела в него так, что воздух выбился из груди, руки сразу вверх, вокруг шеи, пальцы сцепились на затылке. Это было не объятие — захват. Вес её тела повис на нём, и он поймал автоматически, ладони подхватили её под бёдра, удержали, чуть покачнувшись назад.

Итан рассмеялся — коротко, выдохом, почти хрипло, не от шутки, а от того, что напряжение рвалось наружу. Смех оборвался так же быстро, как начался. Он прижал её сильнее, будто проверял, настоящая ли, уткнулся лицом в её чёрные волосы, глубоко, не скрываясь, втянул запах. Плечи его расправились, потом снова напряглись, пальцы впились в её спину через ткань.

Она не ослабила хватку. Пальцы зарылись в чёрные волосы на затылке, дыхание было горячее, сбитое, прямо ему в шею. Она не сказала ничего. Только держалась. Слишком крепко.

В стороне хлопнула дверца. Эллиан остановилась на секунду, посмотрела, и на её лице появилась тихая, почти усталая улыбка. Дариан задержал взгляд чуть дольше, потом переглянул с ней, уголки губ дёрнулись вверх — без насмешки, без удивления. Они ничего не сказали. Просто обошли машину, взяли сумки и ушли к дому, оставляя их в центре двора, как будто так и должно было быть.

Он медленно опустил её на землю, но руки не убрал сразу. Ладони скользнули по её талии, задержались, будто не решились отпустить. Она стояла слишком близко, почти прижата, грудь поднималась быстро, неровно.

Пауза тянулась. Итан смотрел на неё своими тёмно-зелёными глазами, почти чёрными в ночи, сверху вниз, не моргая, как будто пытался считать что-то в её лице. Она подняла голову, встретила взгляд прямо, не отвела. В её голубых глазах не было мягкости — только напряжение, которое некуда было деть.

Его пальцы медленно поднялись выше, к её шее, остановились под линией челюсти, на шрамах. Он не сжал, просто держал.

Поцелуй начался резко, без осторожности. Не мягкий — плотный, глубокий, с силой, как продолжение того прыжка. Она потянула его к себе за шею, он ответил сразу, жёстко, ладонь на её затылке удержала, не позволяя отстраниться раньше времени. Их дыхание сбилось, смешалось, губы двигались неровно, без попытки быть аккуратными.

Когда они всё-таки разомкнулись, это не выглядело завершением. Он остался близко, лбом почти коснулся её, дыхание было тяжёлым, медленнее, но всё ещё неровным. Она не отошла. Пальцы всё ещё держали край его рубашки, будто если отпустить — всё снова сдвинется. Секунду спустя её рука поднялась к его щеке, и подушечки мягко коснулись ровных линий шрамов.

Итан первым сделал шаг к дому, но не отстранился полностью. Его рука осталась на её спине, чуть ниже лопаток, её плечо коснулось его груди. Они шли медленнее, чем могли бы, почти в ногу, и расстояние между ними не увеличилось.

Глава 2

Стол был накрыт плотно, без лишнего — миски с тушёным мясом, хлеб, огурцы в глубокой тарелке, кувшин с соком, от которого пахло чем-то кислым и сладким одновременно. Дед уже сидел на своём месте, откинувшись на спинку, постукивал пальцами по столу, пока отец разливал по тарелкам, мать двигалась быстрее остальных — подать, поправить, убрать лишнее.

— Два месяца, — Рейнар хмыкнул, не поднимая взгляда. — Мы тебя уже хоронить собирались.

— Ой, дед, работы много было, — Итан потянулся за хлебом, спокойно, без оправданий. — В городе сейчас... не спокойно.

— Не спокойно у него, — отец усмехнулся, ставя перед ним тарелку. — Раньше и громче бывало, но дорогу ты как-то находил.

— Тогда и дел поменьше было, — Итан пожал плечом, отломил кусок, не спеша.

Мать посмотрела на него внимательнее, задержалась на лице дольше, чем нужно.

— Ты хорошо ел?

— Конечно, ел, Эллиан, — внезапно рассмеялся дед. — Ты посмотри на эти мускулы. Ты чем питался вообще? Или вместо работы в спортзале проводил время?

— Нет, дед, — улыбнулся Итан, откусывая хлеб. — Как-то... само получилось.

Аурелия сидела чуть в стороне, на своём месте, как обычно, но плечи держала выше, чем обычно, будто не давала себе расслабиться. Вилка в руке двигалась медленно, почти одинаково — подцепить, поднять, опустить. Она не поднимала взгляд. Сначала на тарелку. Потом на стакан. Потом снова на тарелку. Пальцы сжали стекло сильнее, чем нужно — сок внутри качнулся, коснулся стенок.

— А дорога как? — дед снова заговорил, уже с набитым ртом. — Машину-то не угробил?

— Пока нет, — Итан усмехнулся, коротко, уголком рта. — Но есть шанс.

— Вот и береги, — Дариан кивнул, — не только себя.

Когда он говорил, Аурелия на мгновение замерла. Вилка осталась в воздухе, не дойдя до рта. Она опустила её обратно, слишком тихо. Кончик языка коснулся губ, быстро, почти незаметно, будто проверяла что-то. Она не смотрела на него, но каждый раз, когда он открывал рот, дыхание сбивалось, и она делала вдох глубже, чем нужно, как будто не хватало.

Итан это увидел. Не сразу — через несколько фраз, между ответами, между тем, как брал еду, как слушал отца. Его взгляд один раз зацепился за её руку на стакане. Второй — за то, как она не поднимает глаза. Третий — дольше, но всё так же без паузы в разговоре.

— Ты бы хоть написал, — Эллиан снова вернулась к своему, поправляя скатерть у края. — Не чужие ведь.

— Не переживай, мам. Не забываю я про вас.

Аурелия сделала глоток. Слишком большой. Сок пролился по внутренней стороне губ, она провела языком, медленно, будто не заметила. Поставила стакан чуть громче, чем нужно. Рука осталась на нём, пальцы не сразу разжались.

Итан перевёл взгляд на неё, на секунду дольше, чем раньше. Уголок губ дёрнулся, почти незаметно.

— Я с дороги, — сказал он спокойно, без нажима. — Давайте на сегодня всё.

Мать кивнула сразу, будто ждала этого. Дед только махнул рукой, не возражая. Отец молча отодвинул тарелку. Аурелия подняла голову только тогда, когда он уже стоял. На секунду. И сразу отвела взгляд обратно.

Дверь в их комнату закрывается не с хлопком — мягко, почти аккуратно, но звук всё равно разрезает пространство, как тонкая трещина. После — тишина. Не уютная, не спокой-

ная. Плотная, как воздух перед грозой. Она остаётся висеть между ними, заполняя каждый угол, каждый сантиметр.

Итан не двинулся. Он стоял там, где остановился, будто не до конца вошёл в комнату. Плечи напряжены, руки опущены, но в пальцах есть это едва заметное усилие — как если бы он удерживал что-то невидимое. Взгляд на ней. Не открыто, не в упор — чуть ниже, чуть в сторону, но не отпускает.

— Аур... — оборвал он.

Девушка прошла мимо него. Не задевая. Даже не замедляясь. Кровать приняла её беззвучно. Она села на край, не разворачиваясь к нему. Ладони легли на ткань рядом с бёдрами, пальцы чуть сжались, как будто проверили, что поверхность настоящая. Плечи опустились, но не расслабились.

Итан сделал вдох. Слишком глубокий для тишины. Он будто хотел что-то сказать — губы едва двинулись, но слова не вышли. Вместо этого он делает шаг. Один. И остановился.

— Ты устал с дороги... — спохватилась Аурелия, вставая с кровати. Руки уже потянулись к краю покрывала, чтобы расправить постель.

Он усмехается, но без улыбки. Уголок губ дёрнулся и сразу же погас. Пальцы сильнее впились в ткань. Ногти чуть цепляют её.

— Не стану спорить.

Снова тишина. Теперь уже другая — с оттенком раздражения, с подспудным движением, как если бы под поверхностью что-то начинало кипеть.

Итан сделал ещё шаг. Теперь между ними осталось меньше пространства, но оно ощущалось шире. Он остановился снова, не доходя. Как будто проверял, можно ли ещё ближе, и не получал ответа.

Она медлила. Секунда, две. Потом повернула голову — не полностью, только настолько, чтобы он оказался в поле зрения. Взгляд скользнул по нему быстро, не задерживаясь, но этого хватило.

— Чёрт... — И снова отвернулась.

Итан сделал ещё один шаг — теперь достаточно близко, чтобы чувствовать её тепло, но не касаться. Он мягко остановил её руки.

— Аур... — шепнул он, склонившись к её уху и зарывшись носом в волосы.

Итан чуть склонил голову, наблюдая за её спиной, за тем, как она держала плечи — не расправляла, но и не сжималась. Пауза затянулась, и в ней было что-то почти нарочитое, как будто он давал ей время... или проверял, сколько она выдержит. Потом уголок его губ приподнялся, едва заметно, и голос прозвучал тише, чем должен был в такой тишине:

— Твоё напряжение передаётся всем в доме... — вновь шепнул он рядом с ухом, вызывая мурашки.

— Ещё бы... — шикнула девушка, опускаясь на кровать.

Он наклонился чуть вперёд, не касаясь, но сокращая расстояние до предела, где уже чувствовалось тепло кожи. Его рука поднялась, зависла в воздухе на секунду дольше, чем нужно, и опустилась обратно, так и не найдя, куда деться.

Аурелия выдохнула, и этот выдох был слышен сильнее, чем слова. Ладони упёрлись в край кровати, пальцы напряглись, побелели костяшки, будто она собиралась встать — но не встала. Тело подалось вперёд на долю секунды и осталось там, в этом неустойчивом положении.

Она успела вдохнуть, чтобы что-то сказать, но этот вдох сломался, когда его губы коснулись её шеи. Не сразу в нужное место — сначала ниже, почти осторожно, как проверка, и только потом выше, туда, где кожа была неровная.

Её спина выгнулась едва заметно, как будто тело вспомнило раньше, чем она. Плечи дёрнулись, пальцы соскользнули с края кровати и на секунду схватились за простыню, сминая ткань. Короткое, резкое движение — как тогда, когда что-то давило на горло, и она тянула,

рвала, не разбирая, где кожа, где металл. Образ вспыхнул не картинкой — усилием в пальцах, пустотой под ключицами, внезапной жадностью к воздуху.

Он чувствовал это, не отрываясь. Дыхание у него стало глубже, но не быстрее, и в этом была почти раздражающая собранность. Его губы задержались на шрамах дольше, чем нужно для случайности, и рука на её затылке чуть сильнее сжалась, не давая ей отстраниться — но и не прижимая до боли.

Она сделала вдох, резкий, рваный, как будто его не хватало сразу на всё. Тело подалось вперёд, ближе к нему, раньше, чем она успела остановить это движение. Колени сдвинулись, и она почти встала — но остановилась, зависла.

Итан чуть отстранился, всего на пару сантиметров, так, чтобы его губы были у самого уха. Улыбка в голосе была слышна раньше, чем её можно было увидеть.

— Нам обоим сейчас не отдых нужен... — шёпот был тёплый, слишком близкий, и в нём не было усталости.

Пальцы разжались с ткани, и в следующем движении она уже была на нём — не вставая полностью, потянула, вцепилась за ворот его рубашки, притянула к себе с той неровной силой, где не было расчёта. Губы нашли его сразу, без попытки прицелиться, почти грубо, и поцелуй вышел неаккуратным — с дыханием, с зубами.

Он на мгновение замер, будто проверяя, это ли она сейчас сделала, но пауза длилась меньше, чем вдох. Его руки легли ей на бёдра, и в этом уже не было прежней дистанции — только удержать, не дать ей уйти, даже если она сама не собиралась.

Она не дала ему выровнять темп. Руки скользнули вверх, по груди, под ткань. Сорвались, снова нашли. В этом было раздражение — на себя, на медлительность, на всё, что мешало.

Пальцы вцепились за край рубашки, потянули резко, с усилием, которое больше походило на попытку избавиться, чем раздеть. Ткань застряла на мгновение, и она дёрнула сильнее, пока он не помог, не снял её сам.

Её ладонь сразу легла ему на грудь, как будто она ждала этого контакта всё время, пока ела за столом, пока не смотрела, пока делала вид. Пальцы прошли по коже, вцепились за неровности, задержались на линиях, которые она оставила сама. Она не гладила — проверяла, давила, как будто убеждалась, что это не исчезло.

Он выдохнул сквозь зубы, коротко, и это был почти звук, а не дыхание. Его рука с её бедра поднялась выше, сжала сильнее, чем нужно для простого удержания, и на секунду показалось, что он сейчас её остановит — но вместо этого только притянул ближе.

Аурелия снова поцеловала его, уже точнее, но не мягче. Дыхание сбилось, грудь двигалась быстрее, чем можно было скрыть, и она почти не отрывалась, только чтобы втянуть воздух, который тут же терялся. Пальцы на его коже сжались сильнее, ногти оставили новые линии поверх старых, и она не заметила этого, пока не услышала, как он снова резко втянул воздух.

Он стянул через голову её плотную футболку и наклонил к кровати — она сама сместилась назад, и матрас принял их тяжесть с коротким глухим звуком. Он навис, удерживая вес на руках, но это держалось недолго: одна её нога зацепилась за край его штанов, потянула ближе и вниз, пытаясь стянуть ткань, и расстояние исчезло окончательно.

Воздуха стало меньше, чем нужно. Лёгкий скрип матраса под ними сопровождал каждый вдох. Дыхание сбилось, не успело выровняться, и каждый вдох выходил короче предыдущего.

Он ещё пытался держать ритм — движения были ровные, выверенные, как будто он заранее знал, где остановиться, где замедлиться. Его одна ладонь скользнула по её боку и выше к груди, зафиксировала, не дала ей дёргаться слишком резко, но это держалось лишь несколько секунд. Вторая рука спустилась к краю её домашних штанов и потянула вниз.

Её тело не искало удобства. Оно искало давление. Контакт. Она тянула его к себе снова и снова, как будто расстояние могло появиться, если она отпустила бы хоть на секунду. Дыхание

сорвалось на звуки, которые она не глушила, и сама же на них реагировала — резче, быстрее, сильнее.

Он выдохнул сквозь сжатые зубы, коротко, и это уже не была попытка держать себя. Итан рывком отпрянул от неё и стянул штаны вместе с бельем, но тут же вновь припал к её шее губами. Его рука, которая раньше сдерживала, теперь сжала, почти грубо, фиксируя её в нужном положении. Он больше не медлил. Не выравнивал. Подстроился под её рваный темп.

Её голова откинулась назад, шея открылась, и на секунду он замер, как будто уловил это движение раньше, чем осознал. Его губы нашли кожу — не мягко, не осторожно, а с тем нажимом, где уже чувствовалось напряжение челюсти. Он задержался там дольше, чем нужно для поцелуя, дыхание уткнулось в её кожу, стало горячим, неровным.

Её руки оказались на поясе его штанов, пальцы скользнули, вцепились, и в какой-то момент она сжала сильнее, чем раньше, почти до боли, как будто проверяла, порвутся ли. Итан убрал её руки и сам избавился от преграды. Он наклонился к ней вновь. Их взгляды встретились, и они замерли лишь на мгновение. Итан обхватил её ягодицы и медленно вошёл во всю длину. Протяжный стон заглушился поцелуем. Девушка обхватила его спину, впиалась ногтями в кожу так сильно, словно пыталась показать то, как сильно скучала последние месяцы.

Не отрываясь от её губ, Итан так же медленно вышел, а после сделал несколько резких толчков. Он продолжал двигаться, подстраиваясь под её ритм. Улавливая, как она двигала бёдрами на встречу ему, как тянула к себе и не отпускала. Дыхание сбилось у обоих, пространство между ними исчезло до ощущения, что его просто не было.

Её движение сбилось первым — не остановилось, а сломалось, стало резче, глубже, как будто она пыталась удержать что-то, что ускользало. Она вцепилась в него сильнее, чем секунду назад. Дыхание рвалось короткими толчками, и в какой-то момент он не выдохнул до конца. Одну руку он оставил на её бедре, а правой схватился за изголовье кровати.

Её руки переместились на его бедра, словно говоря этим не сдерживаться. Его рука на изголовье кровати сжалась сильнее, пальцы впились, фиксируя. Он продолжал двигаться, периодически меняя ритм то-ли от усталости, то-ли от попытки найти то, как нравится обоим.

Аурелия прикусила губу, сдерживая стон. Её голова отклонилась, шея открылась, но в этот раз он не потянулся туда. Его дыхание соскользнуло ниже, сбилось, застряло в горле. Он на секунду замер — коротко, почти незаметно, как будто внутри что-то щёлкнуло раньше, чем он успел это осознать.

Она сделала резкий вдох, рванулась вперед и с силой сжала челюсти на левом плече Итана. Его тело отреагировало быстрее, чем осознание: мышцы напряглись, пальцы сжались, дыхание оборвалось на выдохе. Он замер. Резко. Итан сжал челюсти и медленно с усилием выдохнул через зубы, чувствуя, как клыки на плече впиваются сильнее, углубляясь в кожу. Плечо под её зубами дёрнулось, но он не отстранился.

Его пальцы на её бедре сильнее сжались, почти до боли, как будто это могло вернуть контроль быстрее. Дыхание вернулось рвано, тяжело, и он вновь выдохнул сквозь зубы. Он почувствовал, как что-то тёплое и густое медленно скатилось по его груди.

Движение вернулось не сразу — сначала медленнее, как будто он проверял, где сейчас граница, потом снова быстрее, жёстче. Контроль собирался обратно, по кускам, через усилие, через сжатые мышцы, через попытку удержать себя в теле.

Она не отпустила сразу. Задержалась дольше, чем нужно, и только потом разжала зубы, но руки всё ещё держали его бёдра, всё ещё тянули ближе, как будто ничего не случилось. Его взгляд упал на её губы. На них была размазана кровь, а по шее шла тонкая красная линия.

Он выпрямился и опустил правую руку к горячей и влажной точке, где их тела соединились. Аурелия вновь прикусила губу, сдерживая стон, и выгнулась под Итаном. Это продолжалось всего пару секунд, и вдруг её слабо затрясло, а пальцы на его бедрах сжались сильнее прежнего. Он сделал пару резких толчков и вскоре сам замер, склоняясь над телом девушки. С

его губ сорвался тихий стон. Женские руки мягко прошли по мокрой мужской спине, легки на шею и притянули к себе для мягкого и спокойного поцелуя.

Утро пахло кофе и поджаренным хлебом. Свет в кухне был слишком ровный, почти беспощадный — он не оставлял тени там, где ночью всё было мягче. Аурелия стояла у стола, нож в руке двигался размеренно, лезвие касалось доски с одинаковым звуком, снова и снова. Ломтики получались аккуратными, почти одинаковыми, но она задерживалась на каждом на долю секунды дольше, чем нужно.

Она сдвинула нарезанное в сторону, выровняла, хотя никто не просил. Пальцы были чуть липкие, она вытерла их о полотенце и снова взялась за работу.

Шаги в коридоре были узнаваемы. Не торопливые, но быстрые. Она не подняла головы, только плечи на секунду напряглись, будто под тонкой тканью прошёл ток. Нож опустился ровно, и она отодвинула доску в сторону, освобождая место на столе, хотя там и так было достаточно.

Итан появился в проёме в однотонной футболке и джинсах. Рука машинально поправила край ворота, взгляд скользнул по кухне и задержался на девушке.

— Доброе, — сказал он спокойно, взял чашку, налил себе кофе.

Она ответила не сразу, только когда он уже сделал первый глоток.

— Доброе, — голос был ровный, без хрипоты, без следов ночи.

Итан подошёл ближе, будто случайно, остановился у неё за спиной. Рука легла ей на талию — легко, почти формально. Он наклонился и поцеловал её в висок, быстро, без задержки, как делают это перед уходом на работу.

Она не вздрогнула. Только нож в её руке остановился на полпути, и лезвие коснулось доски чуть боком, оставляя неглубокую царапину.

— Я позже вернусь, — сказал он отходя. — Не ждите к завтраку.

Она кивнула, не оборачиваясь. Пальцы снова обхватили рукоятку, и нож продолжил движение, ровно, размеренно. Слишком ровно.

Бабушка поставила на стол миску с творогом чуть громче, чем нужно, и сразу же вытерла руки о передник, будто они вдруг стали липкими. Мать рядом замедлилась, когда потянулась за чашками, и на секунду замерла с ними в воздухе. Их взгляды пересеклись — коротко, почти украдкой — и тут же разошлись, как будто это было ошибкой.

Аурелия не подняла головы, но угол зрения зацепил это движение — слишком синхронное, слишком тихое. Воздух в кухне изменился, стал плотнее, будто в нём не хватало места для слов.

— Что?

Мать сразу отвернулась к плите, будто её окликнули не здесь. Бабушка сделала шаг к столу, взяла полотенце, сложила его, развернула обратно. Голос у неё вышел ровный, но чуть ниже обычного:

— Ничего.

Нож всё ещё лежал на хлебе. Аурелия слегка сильнее нажала на рукоятку, лезвие ушло глубже, но она не резала — просто держала. Потом медленно подняла взгляд, сначала на Марну, потом на Эллиан.

— Тогда почему вы так смотрите?

Мать сжала губы, поставила чашку слишком резко, фарфор тихо звякнул о стол. Она не ответила сразу, провела рукой по краю стола, будто стирала что-то невидимое, и только потом сказала, не глядя на неё:

— Ты... — она запнулась, выдохнула через нос. — Ты отметила его.

Бабушка резко повернула к ней голову, но уже было поздно. Слова повисли в кухне, тяжёлые, чужие, как если бы их сюда принесли извне.

— Что это значит? — голос Аурелии был тихий, ровный, без надрыва.

Бабушка сделала шаг вперёд, но мать уже сказала, быстрее, чем нужно, будто боялась, что передумает:

— У нас... это как... — она замолчала, ища слова, сжала пальцы. — Это как брак у людей.

Тишина оборвалась звуком ножа. Лезвие соскользнуло.

Кусок хлеба упал на доску. Рядом с ним — что-то ещё. Маленькое. Неровное. Она продолжала держать нож, сжала рукоять чуть сильнее, чем нужно. Секунда потянулась. Две. Потом она опустила взгляд.

Кровь сначала не выглядела настоящей. Слишком яркая, слишком гладкая, как краска, растекалась по доске, заходила под хлеб, пропитывала его снизу. Капля сорвалась на край стола, упала вниз.

Она смотрела. Не двигалась. Дыхание застряло где-то на полпути, грудная клетка осталась неподвижной, как будто забыла, как работать. Пальцы всё ещё сжимали нож, хотя рука уже не слушалась. Только когда кровь начала стекать по ладони, тёплая, липкая, слишком живая, она резко втянула воздух.

Крик разорвал кухню, сорвался с неё так же резко, как нож соскользнул с хлеба. Она отпустила рукоять, но слишком поздно — тело уже дёрнулось, рука отдёрнулась, и кровь разбрызгалась по столу, по полу, по её запястью.

Аурелия прижала руку к себе, слишком сильно. Дыхание сломалось, стало коротким, рваным, почти всхлипом. Она не отвела взгляд. Смотрела. Смотрела, как будто если перестанет — это станет реальным.

Дверь ударилась о стену так резко, что звук будто разрезал пространство, и сразу — шаги, тяжёлые, быстрые, чужие. Воздух в кухне изменился, сжался, как перед ударом. Аурелия дёрнулась, развернулась всем телом, но рука осталась прижата к груди, и от этого движение вышло кривым, запоздалым.

Она не успела ничего сказать.

Итан оказался рядом раньше, чем она поняла, что он уже здесь. Резкое, почти грубое движение — он перехватил её запястье, выдёрнул руку из-под её же хватки, не спрашивая, не останавливаясь. Его пальцы были жёсткие, уверенные, держали так, что вырваться было невозможно.

— Тихо.

Он не повысил голос, но в нём было то, что перекрыло всё остальное — шум, шаги, её собственное дыхание. Мужчина уже тянул её к раковине, почти волочил за собой, и она споткнулась, не поспела, босые ступни скользнули по полу, оставляя за собой тёмные, неровные следы.

— Под воду.

Он открыл кран слишком резко, струя ударила по раковине, разбилась, и звук воды заглушил её крик, который всё равно вырвался — сорвался на вдохе, неровный, почти животный. Она попыталась отдёрнуть руку, но он держал крепко, развернул ладонь вниз, подставил под ледяную струю, не давая ей свернуться обратно. Присоединив отрезанный кончик большого пальца, стал слабо вдавливать его на место.

— Не двигайся.

Но она двигалась. Дёргалась, пыталась сжать пальцы. Вода смешивалась с кровью, уходила в слив, но красный цвет оставался на коже, в складках, под ногтями.

— Прости... я... я не хотела... прости, Итан... — слова сбились, липли друг к другу, она задышалась между ними.

Он не ответил. Только сильнее зафиксировал её руку, большим пальцем надавил чуть выше, чем нужно, заставляя ладонь раскрыться полностью. Его дыхание было ровное, почти

слишком ровное для того, что происходило, и от этого становилось хуже — как будто всё уже было решено, всё уже было под контролем, кроме неё.

Она снова дёрнулась.

— Не трогай... пожалуйста... — голос сломался, ушёл вниз, стал тоньше, почти детским, и она тут же задохнулась от этого, будто сама услышала, как это звучит.

Итан наклонился ближе, слишком близко, его плечо коснулось её, отсекая пространство, не давая отступить. Вода продолжала бить по коже, холодная, беспощадная, смывала, но не очищала.

— Смотри на меня.

Она не хотела. Глаза цеплялись за раковину, за струю, за собственную руку, но он чуть сдвинул её запястье, и боль заставила её поднять взгляд. Красные от слёз глаза, покусанные до крови губы. Он держал. Не отпускал.

Итан не сразу отпустил её руку, даже когда вода уже лилась чище, разбавленная, почти прозрачная. Его пальцы всё ещё фиксировали её запястье, но взгляд соскользнул — не на рану, не на кровь. Дальше. За её плечо.

Он услышал. Обрывки дыхания, шаги, кто-то что-то говорил — быстро, вполголоса, будто не здесь. Он не повернул голову резко, только чуть сместил взгляд, этого хватило.

Аурелия дёрнулась снова, и он автоматически вернул внимание к её руке, но уже не так. В движении появилась пауза, лишняя доля секунды, которой раньше не было. Он закрыл кран, и тишина упала тяжёлой плитой, сразу сделав всё слышимым — капли, её сбитое дыхание, чужое присутствие.

Он развернулся к ним, не отпуская её. Она осталась вполоборота, прижатая к нему, её пальцы всё ещё в его хватке, и кровь снова начала проступать — медленно, упрямо.

Итан посмотрел. Не бегло. По очереди. Лица, руки, расстояние между ними. Что-то в этом не сходилось, слишком ровно, слишком подготовленно.

— Зачем.

Он сказал тихо, без нажима, но слово легло тяжело, как если бы его нельзя было не услышать. Рейнар и Дариан стояли в стороне и смотрели на всё, ничего не понимающими глазами. Эллиан стояла, прикрывая рот рукой и еле сдерживая слёзы. Марна стыдливо опустила взгляд, как только Итан взглянул на бабушку.

Никто ничего не ответил.

Он чуть сжал её запястье, сам не замечая, и она всхлипнула, глухо, сквозь зубы, тут же кивнула в пустоту, будто попыталась извиниться за это тоже.

— Мы бы сами разобрались.

Итан не сделал на шага. Не двинулся вообще. Только держал.

Аурелия была прижата к нему слишком плотно, её плечо упиралось в его грудь, и она не попыталась отстраниться — только дышала неровно, с короткими, рваными вдохами, и её свободная рука беспомощно висела вдоль тела, пальцы подрагивали, будто забыли, что делать.

Глава 3

Они вышли, не прощаясь. Итан крепко держал девушку за правую руку. Дверь за спиной закрылась глухо, но ни один из них не обернулся. Шаги сначала звучали слишком отчётливо — по гравию, по сухим доскам крыльца, — потом лес принял их, и звук стал мягче, глуше, будто воздух здесь плотнее. Деревья стояли близко, ветки цепляли плечи, мокрые после недавнего дождя, оставляли тёмные пятна на одежде.

Итан шёл чуть впереди, не ускорялся, но и не подстраивался. Он слышал её шаги за спиной — неровные, с едва заметной задержкой на левую сторону. Он не оглядывался. Только когда тропа сужалась, он притормаживал, давая ей отдышаться.

Аурелия молчала. Лес пах сырой корой и прелой листвой, влажность оседала на коже, под воротом, в волосах. Она держала левую руку согнутой, ближе к телу, будто так теплее. Указательным пальцем проводила по огрызку ногтя большого пальца, что остался после ампутации. Кончик удалось приживить обратно, благодаря быстрой регенерации, но вот шрам в виде кольца остался.

Она не смотрела на Итана. Смотрела ему в ноги, на руку, на прошлогодние опавшие иголки, на зелёную траву. Шаг. Ещё шаг. Ветки трещали под подошвами. Где-то в стороне хрустнул сучок, и она дёрнулась, но не подняла головы.

Палец реагировал глухой пульсацией, но она не меняла выражения лица. Только сильнее сжимала губы и снова проводила по линии шрама, медленно, почти задумчиво.

Итан заметил движение боковым зрением. Его взгляд задержался на её руке дольше, чем нужно, потом вернулся вперёд. Он втянул воздух глубже, чем требовал холод, и продолжил идти, будто ничего не происходило.

Она всё так же не подняла на него глаз.

Тропинка уходила ниже, к оврагу, земля там была мягче, и она оступилась. Он автоматически подхватил её под локоть, коротко, без слов, и отпустил сразу, как только она выровнялась. Её рука снова вернулась к груди. Пальцы правой руки нашли руку Итана почти машинально. Он аккуратно обхватил её в ответ.

Она остановилась первой. Лес вокруг был тихий, только где-то капала вода с веток, редкие звуки падали вниз, в сырую землю. Она повернула руку к себе, медленно, как будто это чужое.

Палец выглядел... неправильно.

Край ногтя обрывался не ровно, как будто его просто не хватало, а там, где он должен был продолжаться, кожа была гладкая, слишком светлая. Шрам выделялся сильнее, чем всё остальное — как след, как граница. Она провела по нему подушечкой указательного пальца, медленно, проверяя. Кожа там реагировала иначе — не болью, не онемением, чем-то между. Она нажала сильнее.

Итан заметил, как она остановилась, вернулся на шаг назад. Его взгляд сразу упал на её руку, на обнажённый палец, и он задержался чуть дольше, чем нужно, прежде чем он сказал, спокойно, ровно:

— Сросся нормально. Ты видишь — уже взялось. После обращения ноготь отрастёт полностью. — Мужчина хмыкнул, словно услышал шутку. — Новый.

Он сказал это почти легко, будто это обычная мелочь, которую можно было отложить, забыть. Голос был ровный, без нажима. Он стоял рядом, мягко поглаживал её плечо.

Аурелия не ответила. Только снова провела по этому светлому кольцу, чуть медленнее, чем раньше. Потом ещё раз. Как будто пыталась запомнить ощущение. Или убедиться, что оно не исчезнет.

Он ждал. Несколько секунд. Потом чуть тише добавил, уже без прежней лёгкости:

— Будет как раньше.

Она не подняла на него взгляд. Её пальцы задержались на шраме дольше, чем нужно. Потом она сжала руку в кулак — резко, до побелевших костяшек — и отпустила. Снова коснулась. Снова проверила.

— Я... хотел тебе сам рассказать, правда. Только не сразу, не сегодня... — произнёс Итан наконец, негромко, без оправдания в голосе, просто фиксируя. Пальцы его сжались в кулак и тут же разжались, будто он сам это движение не до конца контролировал. — Не потому что не хотел говорить. Я... ждал момент.

Он перевёл взгляд на неё, но она в этот момент как раз опустила голову ещё ниже, и его взгляд скользнул мимо — зацепился за её волосы, за линию щеки, но не за глаза.

— То, что ты сделала... — он запнулся не на слове, а на дыхании, чуть сбился, и продолжил уже ровнее. — Это метка. У нас это... как брак. — Короткая пауза. Он провёл языком по губам, будто они пересохли. — Только без возможности передумать.

Ветер прошёл между деревьями, задел ветки, что-то тихо щёлкнуло где-то в стороне. Он не двинулся, но в плечах появилось напряжение, как будто он готовился к удару, которого ещё не было.

— Я не знаю, как это отразится на нас, — добавил он уже тише, и это прозвучало почти как признание того, что ему самому это не нравилось. — Честно. Я знаю, как это бывает обычно. Но не так.

Она всё это время не смотрела на него.

Её взгляд скользил мимо — по земле, по его рукам, по складкам одежды. И каждый раз, когда линия зрения поднималась выше, к шее, она срывалась раньше, уходила в сторону, как будто там было что-то, к чему она не могла прикоснуться даже взглядом.

Он заметил это. Не сразу, но заметил. Его челюсть чуть сжалась, едва заметно, и он на секунду поднял руку — будто хотел коснуться шеи, проверить, — но не сделал этого, опустил обратно.

Аурелия посмотрела в его глаза, такие спокойные и добрые, потом на тонкие шрамы на левой щеке, что задевали часть уха, а после резко опустила. Решила идти чуть впереди, не оборачиваясь, и слова вышли из неё не сразу — как будто застряли где-то в горле, цеплялись за дыхание. Пальцы снова нашли повреждённый ноготь, скользнули по неровному краю, задержались, надавили сильнее, чем нужно.

— Сначала лицо тебе испортила... — она сказала это тихо, но без попытки смягчить. — Теперь ещё и это.

Она сделала шаг через влажную ветку, та хрустнула под ногой, звук заглох в сыром воздухе.

— Как мне теперь им в глаза смотреть?

Итан коротко усмехнулся, но в этом звуке не было лёгкости — скорее привычка разряжать, чем реальное облегчение. Он провёл рукой по затылку, сдвинул волосы, потом опустил взгляд на неё.

— Вспомни, как дед отреагировал, — сказал он, и уголок губ дёрнулся. — Он их тогда рассматривал, как экспонат. Полвечера. Смеялся. Назвал первой боевой.

Она не остановилась, но шаг сбился на долю секунды. Плечи чуть поднялись, потом опустились. Она втянула воздух, дольше, чем нужно, и выдохнула уже через рот.

— Помню, — ответила она, и голос стал ниже, глуше. — Я ещё помню, как на меня смотрели.

Её рука поднялась сама, без паузы, и легла на шею, прикрывая кожу, как будто это могло что-то скрыть сейчас. Она отвернула голову, волосы упали вперёд, закрывая лицо, но не полностью — в просвете было видно, как взгляд уходил в сторону, мимо него.

— Они всё поняли, — добавила она тише. — И... жалели.

Последнее слово было почти не слышно. Оно сорвалось, и вместе с ним дыхание. Она не всхлипнула, не остановилась — просто в глазах появилась влага, которая не удержалась.

Итан догнал её за два шага и встал перед ней, перекрывая дорогу. Он не торопился, не хватал — просто остановил собой. Его ладони поднялись к её лицу, осторожно, но без лишней деликатности, и он убрал волосы, открывая глаза. Большие пальцы скользнули по коже под глазами, стёрли влагу, будто это было что-то лишнее.

— Это разное, — сказал он тихо, глядя прямо на неё. — Совсем разное.

Он на секунду задержал пальцы у её скулы, потом отпустил.

— Ты девушка, — добавил он уже ровнее. — И место... — он не договорил, но взгляд на секунду соскользнул ниже и вернулся обратно. — Они поэтому так смотрели.

Она не ответила. Только сглотнула и отвела глаза в сторону, снова вниз, на землю, на свои руки. Пальцы на секунду сжались, потом разжались.

Пауза затянулась.

— Тогда... — она начала, но замолчала, будто проверяла, стоит ли вообще говорить. Потом всё-таки продолжила, быстрее. — Тогда отметь меня.

Он не сразу понял. Или сделал вид, что не понял. Его взгляд остался на её лице, но в нём появилась резкость — короткая, как вспышка.

— Что?

Она подняла голову, но смотрела не в глаза — куда-то в район его плеча.

— Чтобы было честно, — сказала она, и голос у неё был ровный, слишком ровный. — Я тебя... ты меня. Тогда это... — она запнулась на секунду, но не отступила. — Тогда это хотя бы не будет односторонним.

Итан покачал головой почти сразу, отступил на шаг. Без паузы, без раздумий.

— Нет.

Слово короткое, отрезало. Она моргнула.

— Почему? — спросила она, и в голосе не было давления, только сухое упрямство. — Это логично.

Он сделал шаг ближе, сокращая расстояние, и теперь уже смотрел прямо, не позволяя ей уйти взглядом. Его рука легла на её щеку. Он мягко погладил её большим пальцем, а после аккуратно поцеловал в губы.

— Это не про логику, — сказал он тихо, но жёстко. — И не про «честно». — Он задержал взгляд, как будто ждал, что она отступит. — Это должно быть потому, что ты хочешь, — добавил он, чуть медленнее. — А не потому что ты решила сравнять счёт.

Она чуть прищурилась, и уголок губ дёрнулся, почти в усмешке, но без тепла.

— Это и есть желание, — ответила она. — Сделать нормально.

Он снова покачал головой, уже медленнее.

— Нет, — повторил он. — Это не одно и то же. Это... Я даже не знаю, как это объяснить. Просто это не одно и то же.

Пауза между ними стала плотной. Она смотрела на него, но уже без попытки спорить. Потом взгляд снова соскользнул вниз.

Они шли медленнее. Не останавливались, но шаг стал короче, будто земля под ногами стала мягче, вязкой. Пальцы снова нашли край ногтя, зацепили его, провели по светлому кольцу кожи, где уже не было привычной чувствительности, и она на секунду замерла, прислушиваясь к этому странному, глухому ощущению.

— Почему я это сделала?

Вопрос вышел тихо, почти в сторону, как будто она не была уверена, что хочет услышать ответ. Она не смотрела на него. Смотрела на свою руку.

— Я... — она запнулась, сморщила лоб. — Я помню момент. Но как будто... это была не я. — Она сжала пальцы, резко, до побелевших костяшек, потом отпустила. — Я не думала, — добавила она. — Вообще.

Итан выдохнул чуть длиннее обычного. Плечи у него опустились, и в этом движении появилось что-то похожее на облегчение — не сильное, но заметное. Он провёл ладонью по лицу, задержал её у подбородка, потом убрал.

— Так и бывает, — сказал он, и в голосе появилась мягкость, которой раньше не было. — Это не... — он на секунду поискал слово, но отмахнулся. — Это не решение. — Он посмотрел на неё, и в уголке губ появилась короткая, почти невольная усмешка. — Это импульс.

Она всё-таки подняла на него взгляд, но быстро, как будто проверяла, и снова увела в сторону.

— Импульс? — повторила она, и в голосе слышалось напряжение. — Тогда почему все подряд друг друга не кусают?

Он тихо хмыкнул, покачал головой.

— Потому что это не любой укус, — ответил он, и теперь уже говорил медленнее. — Шея. Всегда шея. Точнее плечо, участок близкий к шее.

Он коснулся плеча, там, где под кожей всё ещё был виден след. Пальцы на секунду задержались, потом опустились.

— Раньше это и было... способом отметить, — продолжил он. — Чтобы все остальные поняли: занята или занят. Не трогать. — Он сделал шаг ближе, но не сократил расстояние до конца — оставил между ними воздух. — Потом появились города, законы, браки. Всё это... — он чуть повёл рукой в сторону. — Стало не нужно.

Аурелия слушала, не перебивая. Только дыхание стало заметнее — глубже, тяжелее.

— У деда с бабкой есть метки, — добавил он. — Они из старых. Для них это... нормально. — Он коротко усмехнулся, уже без напряжения. — У родителей нет. У них всё как у людей. Бумаги, подписи.

Она чуть кивнула, но взгляд остался внизу. Итан смотрел на неё дольше, чем нужно. Потом губы у него едва заметно растянулись, и в этом появилось что-то неожиданно тёплое, почти мягкое.

— Мне, если честно... — он замолчал на секунду, будто проверял, стоит ли говорить, но всё-таки договорил. — Лестно.

Она резко подняла голову. Он пожал плечами, спокойно, без защиты.

— Ты выбрала меня, — сказал он. — Так.

Пауза повисла между ними, и она не отвела взгляд сразу. Секунду. Две. Потом снова вниз.

— Мы просто научились это держать, — добавил он уже тише. — Сдерживать. — Он посмотрел на её руку, на палец, на то, как она снова тронула шрам. — А ты... Ты только недавно начала без боли обращаться. — он сделал паузу, подбирая слова, но не закончил мягче. — Ты ещё не научилась.

Она не ответила сразу. Голова опустилась ниже, волосы соскользнули вперёд и закрыли лицо плотной занавесью. Плечи чуть сошлись, будто она пыталась стать меньше, уже. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони.

— У тебя из-за меня опять проблемы. — Она сглотнула, и это было слышно — сухой, неровный звук. — Прости...

Итан остановился. Секунду смотрел на неё так, будто не верил, что услышал именно это. Потом сделал шаг вперёд и ещё один, пока расстояние между ними не исчезло совсем. Его ладонь коснулась её подбородка — не резко, но без возможности уклониться — и он поднял её лицо вверх. Волосы сползли в сторону, открывая влажные ресницы и покрасневшие веки. Он провёл большим пальцем под её глазом, стирая влагу вновь, потом под другим. Медленно. Тщательно.

— Это не проблема, — сказал он ровно. Она моргнула, не отводя взгляда, хотя веки дрожали. — Это вопрос. — Он задержал пальцы у её скулы, потом сжал челюсть сильнее, чтобы она точно смотрела на него. И, кажется, задумался. — Я... знал, что это случится, — добавил он тише. — В тот момент.

Её дыхание сбилось. Он это увидел.

— Это тоже бывает, — продолжил он, не убирая руки. — На уровне тела. Когда понимаешь... и всё равно не останавливаешь. — Он чуть наклонился, их лбы почти коснулись. — Я не остановил тебя... Я дал этому случиться.

Её губы приоткрылись, но слов не было. Только выдох.

Он отпустил её подбородок, но не отошёл. Его ладонь скользнула к виску, пальцы убрали прядь за ухо, и в этом жесте не было суеты — только сосредоточенность. Он наклонился и коснулся губами её лба. Коротко. Потом щеки — там, где кожа ещё была влажная. И, задержавшись на секунду, посмотрел в глаза, будто проверял, не оттолкнёт ли.

После поцеловал её в губы — без напора, но и без осторожности, как будто проверял границу, которую сам же и стёр. Его ладонь легла ей на затылок, удерживая, но не сжимая. Дыхание смешалось, стало общим, рваным.

Аурелия не отстранилась сразу, но дыхание ушло в сторону — сбилось, сломалось на короткие, неровные вдохи. Пальцы, которые только что держались за его ветровку, соскользнули, задержались на ткани, будто не понимали, отпустить или сжать сильнее.

— Ты... — голос зацепился за горло, и она прочистила его коротким кашлем, — ты где вообще был всё это время? — Решила сменить тему Аурелия.

Она отступила на полшага, просто чтобы освободить воздух между ними, и обхватила себя за локти.

— Почти два месяца, — добавила она тише. — Я думала... — оборвала, покачала головой. — Неважно.

Он не двинулся сразу. Стоял так же близко, только руки опустились, остались по швам. Плечи были напряжены, как будто он держал на них что-то тяжёлое и не собирался это снимать.

— В городе стало шумно, — сказал он после паузы, глухо. — Не в прямом смысле.

Он провёл ладонью по затылку, сдвигая чёрные волосы, потом опустил руку и упёрся ею в ствол дерева позади.

— Мы с полицией сейчас работаем вместе. Временно. Надеюсь... У них не хватало людей, у нас — информации. Решили не мешать друг другу. — Он усмехнулся краем рта, без тепла. — Плохо получается.

Аурелия слушала, не перебивая. Глаза снова вернулись к нему, но уже осторожно, как будто проверяя, не исчез ли он.

— И из-за этого ты... пропал?

— Из-за этого, — кивнул он. — И потому что пришлось менять место работы. В плане, менять территориально. Переезд и все неудобства от него.

Он оттолкнулся от ствола, сделал шаг в сторону, но не ушёл далеко — просто поменял угол, как будто так было легче говорить.

— Томас с Леей ушли. Сами решили. Сказали, что им такая работа не удобна. — Он не смотрел на неё в этот момент. — Мира теперь в архиве почти живёт. Разгребает старое дерьмо, которое раньше в полиции игнорировали, походу. Плюсом добавился наш мини архив. Всё надо структурировать. Из-за этого мне кажется, что мы слились с полицией нихрена не временно.

Он коротко выдохнул через нос.

— Сайла не вылезает из лаборатории. Вообще. Я её видел... два раза за всё время. Оба — в обед. — Аурелия чуть сжала руки на локтях. Кожа под пальцами побелела. — Каллен всё

время на взводе. Постоянно. Его сейчас лучше не трогать без причины. Я могу его понять, но его вечные неуместные шутки только усугубляют наше пребывание в полиции.

Он на секунду поднял взгляд на неё, как будто проверяя, понимает ли она, о чём речь, потом снова отвёл.

— Роана понизили. Формально — за нарушение протокола. Неформально... — он перевёл взгляд на Аурелию, а после опустил, словно его пристыдили. — В общем... не важно.

Тишина между ними тянулась, но уже другая. Не такая густая, как раньше — более рабочая, почти привычная. Аурелия сделала шаг ближе. Небольшой. Осторожный.

— Я хочу вернуться с тобой, — сказала она, и в голосе не было нажима, только упрямство, которое не пряталось. — В город.

Он поднял на неё глаза сразу. Без паузы. Смотрел долго. Слишком долго для простого ответа.

— Там сейчас не лучшее место, — сказал он наконец.

Она кивнула, будто заранее знала, что он это скажет.

— Я не про «лучше», — ответила она тихо. — Я про «там, где ты».

Пальцы разжались. Руки опустились вдоль тела, но напряжение никуда не ушло — просто поменяло форму. Он сделал шаг к ней. Остановился на том же расстоянии, что и раньше. Не коснулся. После всё-таки обнял её. Девушка прижалась к нему в ответ.

— Это плохая причина, — сказал он ровно.

— Зато честная.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было согласия. Но и отказа тоже не было. Только усталость, которая просачивалась сквозь всё остальное, как вода через трещины.

Лес тянулся вдоль узкой тропы, влажный, плотный, как будто сдвинутый ближе, чем должен. Под ногами пружинила мокрая хвоя, где-то в стороне треснула ветка — коротко, сухо, и сразу снова тишина. Воздух пах сыростью и чем-то гниющим, тяжёлым, застоявшимся. Итан шёл впереди, не оглядываясь, только иногда сдвигал плечом низкие ветки, чтобы они не били по лицу.

Аурелия крепко держала его за руку, словно боялась потерять или отстать.

— За что его понизили? — спросила она, будто между делом, но голос зацепился за последние слова. — Роан... он же нормально всё держал.

Итан не ответил сразу. Только ускорил шаг на полсекунды, будто не заметил вопроса. Ветки снова скользнули по его плечам, одна зацепилась за рукав, он резко дёрнул рукой, освободился.

— Были причины, — сказал он наконец, коротко.

Она смотрела на него, не моргая.

— Какие?

Он свернул с тропы на более узкий участок, где земля была мягче, почти проваливалась под весом. Шёл дальше, как будто разговор остался позади, но слова всё равно догоняли.

— В полиции узнали, — произнёс он, не глядя на неё, — что он скрывал твою расу. — Пауза. Только шаги и тихий скрип веток. — Сказали, что из-за этого всё тогда и поехало. Что если бы знали раньше... — он не закончил, сжал челюсть. — Короче, им нужно было на кого-то повесить то, что тогда произошло...

Аурелия остановилась резко, так что хвоя под ногами смялась с глухим звуком. Он прошёл шаг и остановился, оглядываясь на Аурелию. Она стояла с ошарашенным взглядом. Поднялся лёгкий ветер и её локоны слабо шевельнулись.

— Значит... — голос был едва слышен, почти шёпот, — всё-таки винят меня?

Он опустил взгляд на секунду и снова поднял на неё. Открыл рот — и сразу закрыл. Взгляд ушёл в сторону, скользнул по деревьям, по земле, куда угодно, только не на неё. Тишина

затянулась. Он провёл ладонью по лицу, медленно, как будто стирал что-то липкое, потом отвернулся, сделал шаг в сторону, будто собирался снова идти.

— Не все, — глухо сказал он наконец. — И не так, как ты думаешь. — Она не двигалась. Он выдохнул через нос, короче, резче. — Роан... он сам это взял на себя. Не потому что должен. Ему даже нравится, новая не пыльная работа, если верить его словам, — добавил он с мягкой улыбкой.

Он всё ещё не смотрел на неё. Стоял боком, плечо было напряжено, пальцы сжаты. Аурелия подняла голову к небу. Волосы разъехались, открывая лицо и шею.

— Нравится... — повторила она, почти без звука.

Он не ответил. Где-то глубже в лесу снова треснула ветка. На этот раз громче. Оба на секунду замерли, но никто не повернул голову.

— Может, он просто чувствует себя отцом, — бросил он, не глядя на неё. — Опекал. Пожертвовал карьерой.

Слова повисли в сыром воздухе. Лес будто стал тише. Она не засмеялась. Не моргнула. Просто замерла, и это движение — резкое, как обрыв каната. Хвоя под её ногами тихо скрипнула, когда она сделала маленький шаг. Взгляд прямой. Без растерянности.

— Ты убил моего отца.

Холод прошёл между ними быстрее ветра. Итан не ответил. Улыбка исчезла, как будто её и не было. Челюсть сжалась, под кожей на щеке дёрнулась мышца. Он наконец посмотрел на неё — прямо, без уклонов.

Память пришла не по порядку.

Запах крови — густой, металлический, липкий, забивающий горло. Огромная тень, почти в два раза выше, чем он тогда. Мокрая шерсть, слипшаяся от пота, снега и грязи. Рык, который был не звуком — давлением на грудную клетку. Чужие клыки, слишком близко. И момент, когда сопротивление под ладонями исчезло — резко, без предупреждения. Тело стало тяжёлым и неподвижным.

Он моргнул. Лес вернулся.

— Он был опасен... И мог тебя убить, — сказал он тихо.

Она смотрела на него, не отводя глаз, но кивнула. Он не двинулся.

Она не двигалась, только дыхание стало неровным — будто сбивалось о что-то внутри. Пальцы сжались в ткань рукава, ногти зацепили её, потянули, и взгляд вдруг ушёл, но не в сторону — вниз, в землю, где между корней тянулась тёмная влажная линия.

— Он... говорил мне. О себе. О том, что делал.

Слова зацепились друг за друга, но не рассыпались. Она сглотнула, язык будто не слушался.

— Он убивал оборотней. Не просто... — она коротко покачала головой. — Чистокровных. Сильных. И забирал... Их силу, с его слов. Поэтому он... — её взгляд на мгновение поднялся на Итана, задержался на линии его плеч, потом снова ушёл. — Поэтому он был таким большим.

Пауза тянулась. Ветер прошёл между деревьями, едва заметно шевеля верхушки, но внизу всё оставалось неподвижным.

Итан медленно провёл ладонью по затылку, задержал пальцы на шее, там, где кожа была плотнее, где ещё недавно была боль.

— Тогда, в лесу... — он нахмурился, слова подбирались медленно, с усилием. — Я чувствовал запах. Оборотней. Несколько. То есть около десятка запахов исходили от одного источника. От Разгара. Но... я не мог тогда позволить себе задумываться об этом. А потом вовсе забыл.

Он опустил руку. Пальцы остались чуть согнутыми, будто что-то удерживали. Она смотрела на это движение. Долго. Слишком долго для простого взгляда. Потом сделала шаг — маленький, почти незаметный, но земля под ногами тихо хрустнула.

— Я не сказала Роану.

Итан поднял голову. Она больше не отводила взгляд.

— Тогда. После. Я не сказала ему. — Слова вышли ровно, но плечи у неё были напряжены, как перед ударом. — Его сила... — она на секунду закрыла глаза, будто проверяла, не исчезнут ли слова, если их не произносить. — Она должна была перейти к тебе.

Тишина упала резко, без перехода. Ни ветра. Ни шагов. Даже дыхание будто оглохло в груди.

Итан не двигался. Только взгляд стал жёстче, зафиксировался на ней, как на точке, из которой теперь уже не выйти.

Слова повисли между ними, как что-то плотное, почти осязаемое, и он будто упёрся в них грудью. Взгляд ушёл в сторону — не от неё, а сквозь неё, в пустоту между стволами, где тени ложились неровно, ломано. Челюсть напряглась, язык медленно прошёл по внутренней стороне щеки, как если бы он пробовал что-то на вкус и не мог решить, глотать или выплюнуть.

— Дед вчера сказал... — он замолчал, будто проверял, стоит ли продолжать, и только потом добавил, уже тише, — что я раскабанел. — Уголок рта дёрнулся — не в улыбке, скорее в попытке её изобразить и тут же отбросить. Он покачал головой, взгляд снова ушёл в сторону. — Я даже не придал его словам смысла.

Он провёл ладонью по груди, по боку, словно на ощупь проверял границы собственного тела. Движение было медленным, почти осторожным, как если бы он ожидал наткнуться на что-то чужое под кожей. Остановился, пальцы впились в ткань.

Мужчина сделал шаг назад, потом ещё один, но не ушёл — просто поменял положение, как будто стоять на прежнем месте стало невозможно. Под ногой сломалась сухая ветка, звук был короткий, резкий, и он на секунду замер.

— Если это правда... — он не договорил. Нижняя челюсть чуть сдвинулась, зубы сжались. — Я ведь и не обращался за последние месяцы...

Он не двигался какое-то время, как будто решение должно было сначала дойти до тела, а не до головы. Потом резко — почти грубо — сорвал с себя ветровку, бросил её в сторону, не глядя, где она упала. Пальцы зацепились за край футболки, ткань потянулась, застряла на плечах, и он выдохнул сквозь зубы, раздражённо, когда она на секунду не поддалась. Снял, отбросил следом, остался в холоде, который тут же прилип к коже, поднял мурашки, но он будто этого не заметил.

Аурелия с удивлением наблюдала за ним, но не остановила.

Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, ушёл чуть в сторону, на свободное место между деревьями, где меньше веток под ногами. Остановился, наклонил голову, будто прислушивался не к лесу — к себе. Плечи медленно напряглись, спина выгнулась, и в этом движении не было плавности — только сдерживаемый толчок, который всё равно прорвался.

Первый звук вышел низко, почти неслышно, но в нём уже был хрип. Он закрыл глаза, челюсть сжалась так, что по скулам прошла резкая линия. Руки дёрнулись — пальцы сначала сжались, потом резко раскрылись, будто не могли удержать форму. Кожа натянулась, и это было видно — по тому, как проступили сухожилия, как изменилась линия плеч, стала шире, грубее.

Он выдохнул ещё раз, но воздух вышел уже иначе — глубже, с вибрацией. Колени подогнулись, тело опустилось ниже, и в этом движении была тяжесть. Спина выгнулась сильнее, и ткань джинс натянулась, треснула где-то сбоку, не выдерживая.

Звук сломался в рычание.

Это происходило не резко, а волнами — тело будто перекраивалось кусками, толчками. Плечи расправились, грудная клетка стала шире, глубже, дыхание отяжелело. Руки ушли вниз,

в опору, и ладони уже не были ладонями — они вжались в землю, пальцы расплзлись, стали длиннее, толще. Земля под ним продавилась.

Он не смотрел на неё. Она же наблюдала за каждым изменением.

Шерсть пробилась сначала неровно, пятнами, потом сгустилась, потемнела, легла плотным слоем. Не просто чёрным, как раньше — глубже, с тяжёлым отливом, который в тени казался ещё темнее. Она была длиннее, грубее, особенно вдоль хребта, где поднялась чуть дыбом.

Он поднялся — уже иначе. Медленно, тяжело, будто проверяя вес нового тела. Лапы стали шире, массивнее, при каждом шаге было слышно, как под ними хрустнула ветка или вдавилась влажная земля. Он сделал один шаг, потом второй, и даже в этом была осторожность — не страх, а непривычка к собственной силе.

Голова повернулась в её сторону. Глаза были те же. Узнаваемые. Но ниже — всё было другое.

Грудь поднималась и опускалась медленно, глубоко, и с каждым выдохом из него выходил тёплый пар, смешиваясь с холодным воздухом леса. Он замер, смотрел на неё, не двигаясь, и в этом неподвижном теле чувствовалось напряжение — не сдержанное, а готовое в любой момент перейти в движение.

Зверь приблизился медленно, тяжело, но без угрозы. Каждая лапа ложилась на землю с глухим давлением, ветки трещали под весом, хвоя вминалась глубже. Голова была опущена чуть ниже линии её плеч, но всё равно выше неё — массивный лоб, тёмная, плотная шерсть вдоль хребта, дыхание густое и горячее. Он остановился в шаге, замер, и только грудная клетка медленно поднималась и опускалась.

Аурелия стояла, запрокинув голову, и смотрела на него так, будто не видела ни когтей, ни тяжёлых лап, ни новых, чужих пропорций. Глаза у неё были раскрыты шире обычного, дыхание неглубокое, но ровное. Руки висели вдоль тела секунду, две, потом пальцы едва заметно шевельнулись, будто проверяли, слушаются ли.

Он сделал последний шаг.

Морда коснулась её плеча осторожно, почти неуверенно, будто он сам не до конца понимал, сколько в нём силы. Шерсть скользнула по её шее, по щеке, тёплая, грубая, пахнувшая лесом и чем-то ещё — его. Он медленно тёрся о неё, тяжело, всей головой, как будто помечал пространство не запахом, а весом.

Она закрыла глаза и тихо рассмеялась.

— Как же мы раньше не заметили...

Руки поднялись медленно, без рывка. Пальцы сначала коснулись шерсти у скулы — осторожно, как будто это могло обжечь. Потом глубже, в плотный подшёрсток, где тепло было сильнее. Она обняла его морду обеими руками, не пытаясь обхватить целиком — просто держала, прижимала к себе. Лицо ушло в шерсть, нос коснулся тёмного меха, и она втянула воздух, длинно, будто запоминала.

Итан замер, перестал двигаться, только дыхание осталось тяжёлым, горячим, проходящим сквозь ткань её одежды. Лапа сдвинулась ближе, почти коснулась её ноги, но не давила. Он склонил голову ниже, позволяя ей удерживать себя.

— Я сильно по тебе скучала...

Он не изменился. Не отступил, не отстранился, но и не вернулся в человеческую форму. Только дыхание стало чуть тяжелее, глубже проходило через грудную клетку. Ухо едва заметно дёрнулось от её голоса, и всё.

Она подождала секунду. Две.

Потом медленно отошла, разжала руки, и между ними снова появился воздух. Тёплый, пахнущий шерстью и влажной землёй. Она посмотрела на него снизу вверх, прищурилась чуть, как будто пыталась поймать его взгляд в этих изменённых чертах.

— Ты... — она чуть склонила голову набок. — Хочешь пробежаться?

Слова прозвучали неожиданно легко. Почти не к месту. Он не двинулся. Стоял, тяжёлый, тёмный, с напряжённой линией спины и чуть поднятой шерстью вдоль хребта. Глаза были на ней. Без ответа.

Девушка посмотрела на него ещё мгновение, потом уголки её губ поднялись шире. Улыбка стала явной, живой, почти дерзкой. Взгляд загорелся.

— Ладно, — бросила она, и голос вдруг стал ярче. — Тогда догони.

И, не дожидаясь реакции, резко развернулась и сорвалась с места. Ноги скользнули по хвое, ветка хлётко задела плечо, но она не замедлилась. Смех вырвался коротко, неровно, почти удивлённо — как будто она сама не ожидала, что он прозвучит.

Лес принял её бег — шумом, треском, дыханием. За спиной ещё мгновение ничего не происходило. Потом под тяжёлой лапой с глухим звуком сломалась ветка.

Она не оглянулась. Сорвалась сразу, как будто тело само знало, куда и как, и ноги подхватили ритм без разгона — быстрый, резкий, с короткими ударами ступней о влажную землю. Воздух был холодный, резал грудь, ветки цеплялись за плечи, за волосы, за ткань, и она почти не замечала, только дёрнула плечом, когда что-то царапнуло кожу.

Куртка помешала первой. Она стянула её на бегу, не замедляясь, вывернула рукава рывком, бросила в сторону, не глядя, куда она упала. Футболка зацепилась за локоть, потянулась за спиной, она выдёрнула её через голову одним движением, и на секунду потеряла ритм — нога соскользнула на корне, но она выровнялась.

Дыхание стало громче. Рваное. Живое.

Она ушла глубже, туда, где деревья стояли плотнее, где между стволами было меньше пространства, где ветки висели ниже. Специально. Она проскользнула боком, пригнулась, почти упала и снова поднялась, не сбрасывая скорость.

Штаны держались дольше. Она дёрнула за пояс на бегу, не глядя, ткань потянулась, не поддалась, тогда она просто оставила их как есть — и уже в следующем шаге движение сломалось, вывернулось изнутри. Рёбра расширились, спина выгнулась, шаг сбился, превратился в толчок.

Ткань не выдержала. Треснула. Порвалась вдоль, цепляясь за колени и бёдра, и осталась где-то между корней и веток. Она не остановилась. Лес стал уже. Ближе. Жёстче.

Сначала — только звук. Тяжёлый, сзади. Сломалась ветка, потом ещё одна. Он не спешил, но догонял. Ритм был другой — глубже, мощнее, с тяжёлыми ударами о землю, которые чувствовались даже через шаги.

Она ускорила. Поворот был слишком резкий, девушка почти врезалась в ствол, ушла плечом, кожа сорвалась о кору, но боль осталась где-то сзади, не успела догнать. Дыхание сорвалось на короткий выдох, и она сразу набрала следующий.

Он уже был ближе.

Она почувствовала это не глазами — кожей. Воздух за спиной изменился, стал плотнее, теплее. Шаги синхронизировались сами собой, будто подстроились друг под друга, как будто лес выровнял их под один ритм. Ещё один узкий проход между деревьями — она проскользнула, почти прижимаясь боком к стволу, ветка хлестнула по спине, оставив тонкую горячую линию.

Сзади — глухой удар. Но не остановка. Обход. Он взял шире. Чуть дальше. И вышел снова в линию. Теперь — рядом. Почти. Она сделала ещё один рывок, последний, и на секунду их движения совпали — шаг в шаг, дыхание в дыхание, звук в звук.

Он догнал её не рывком — навалился весом сбоку, сбил траекторию, и земля резко поднялась навстречу. Листья и влажная почва приняли удар глухо, мягко, но с силой, которая выбила из неё воздух. Она не сопротивлялась — только короткий срыв дыхания, лапы подогнулись, и она оказалась под ним, боком, вжатая в землю.

Он навис, тяжёлый, горячий, дыхание рвалось прямо ей в морду. На секунду — тишина. Только пар из пасти, только редкие, сбившиеся вдохи, которые постепенно начали совпадать.

Она не отвела взгляд. Смотрела прямо, не моргая, и в этом взгляде не было вызова — только странная, плотная сосредоточенность, будто она проверяла, здесь ли он, тот же ли. Он замер в ответ, не двигался, только грудная клетка тяжело поднималась и опускалась.

Она первая двинулась.

Медленно, без резкости, потянулась мордой вверх и коснулась его — сначала осторожно, почти пробуя. Лизнула по щеке, по шерсти, где ещё держался чужой запах леса и пота, потом выше, к скуле, к углу пасти. Не спешила. Не прерывалась.

Он не отстранился.

Наоборот — чуть опустил голову, подставился. Закрыв глаза на секунду, и в этом движении не было контроля, только уступка. Его дыхание изменилось, стало глубже, медленнее. Он ответил не сразу — сначала просто тёрся мордой о её шею, тяжело, с нажимом, оставляя свой запах, потом тоже коснулся языком, коротко, по шерсти, по коже, где она тоньше.

Они двигались неровно, без ритма, но не сбивались. Просто находили друг друга в этих касаниях, как будто проверяли заново, где заканчивался один и начинался другой.

Потом напряжение спало. Не резко — как будто ушло в землю под ними.

Он лёг рядом, не отдаляясь, прижимаясь боком, тяжёлым телом, тёплым. Она повернулась, вжалась в него, мордой в шерсть на его груди, и на этот раз не искала, не проверяла — просто осталась.

Лес вокруг снова стал слышен. Ветки тихо скрипели, где-то далеко трескалась сухая кора, ветер проходил между стволами.

Они лежали так, не двигаясь, переплетённые теплом, как будто обнимались — но не возвращались обратно. Не сейчас.

Глава 4

Сумерки легли низко, почти по земле. Лес уже не шумел — только редкие трески веток под лапами, дыхание, сбитое и тяжёлое, пар выходил в прохладный воздух. Они шли рядом, не касаясь, но слишком близко. Шерсть на боках ещё вздыбилась после бега, мышцы под ней подрагивали, как будто тело не успело остановиться вместе с ними.

Тропа сузилась к дому, и запахи изменились раньше, чем он появился в поле зрения. Дым. Доски. Человеческое. Чужое и своё одновременно. Аурелия чуть замедлилась, но не остановилась. Итан не смотрел на неё — только вёл корпус чуть вперёд, перехватывая направление.

Дом появился резко, без перехода. Свет в окнах был тёплый, неподвижный. На крыльце кто-то был. Они вышли из тени одновременно. Скрип двери. Резкий вдох.

Мать замерла первой. Рука на косяке, пальцы сжаты, как будто она держалась за него, чтобы не шагнуть назад. Взгляд шёл снизу вверх, медленно, с остановкой на груди, на плечах, на голове. Дольше всего — на размере. Она не отводила глаз, но и не двигалась.

Отец вышел следом, почти сразу, и тоже остановился. Он не сделал шага вперёд. Только чуть выпрямился, как будто примерял расстояние. Его взгляд был короче, жёстче, но в нём не было паники — только попытка понять.

— Это они? — голос матери был тихий, но ломался на последнем слове.

Отец не ответил сразу. Смотрел ещё раз, медленно. Затем коротко кивнул.

— Позови их.

Она не двигалась секунду, потом резко обернулась в дом. Дверь хлопнула чуть сильнее, чем нужно. Сквозь окно мелькнули силуэты. Быстрые, тревожные.

Итан сделал шаг. Земля под лапой глухо отозвалась. Отец чуть сместился в сторону, освобождая пространство, но не отступал полностью.

Дверь снова открылась. Сначала вышла Марна — без спешки, но быстро, как человек, который уже всё понял до того, как увидел. За ней — Рейнар, медленнее, опираясь на перила, но взгляд у него был цепкий. Бабушка остановилась на ступеньке. Смотрела. Долго. Без испуга.

— Подойди, — сказала она спокойно.

Итан не сразу, но сделал шаг ближе. Потом ещё один. Он не ускорился. Марна чуть наклонила голову, рассматривая его, как будто сопоставляла. В её взгляде не было вопроса — только проверка.

— Перерос, — тихо сказала она, почти себе.

Дед хмыкнул, спускаясь на одну ступень ниже. Никто не подходил ближе. Никто не касался. Но расстояние уже не было таким жёстким. Марна перевела взгляд на Аурелию. Задержалась. Стала чуть мягче.

Мать вернулась из дома с одеждой в руках. Остановилась у двери, не сразу решаясь подойти. Потом всё-таки сделала шаг вперёд, протянула ткань — сначала в сторону Аурелии, не глядя прямо.

— Обращайтесь и давай в дом, — сказала она тихо.

Марна взяла вторую стопку и подошла ближе, чем остальные. Не касалась, но почти.

— Давайте. Хватит стоять.

Аурелия не ждала. Тело будто само сжалось, кости начали ломко сдвигаться под кожей, шерсть втягивалась рывками, позвоночник выгнулся так резко, что она на секунду припала к земле. Ни звука, только короткий выдох сквозь стиснутые зубы, когда кожа снова стала тонкой, уязвимой, голой. Она не смотрела ни на кого. Но Эллиан, словно закрыв её от всех своим телом, набросила на её плечи халат. Запах ткани был почти родной, домашний, и она вжалась в него, будто в стену.

Волосы влажными от пота прядями липли к шее, грудь под тканью поднималась часто, но она уже выпрямилась, собралась в тонкую, прямую линию. Не прятала плечи, но и не расправляла их.

— Я в душ и отдохнуть, — сказала она ровно, не глядя ни на Марну, ни на Эллиан, ни тем более на Итана.

Никто её не останавливал. Дверь открылась, тёплый воздух вылился наружу вместе со светом, и она исчезла внутри, босыми ступнями по деревянному полу, быстрый, почти бегущий шаг, как будто если замедлиться — что-то догонит.

Итан остался на земле.

Он стоял ещё в шерсти, слишком большой для этого двора, для этого крыльца, для взгляда отца и деда. Воздух вокруг него был холоднее, чем у открытой двери. Он не спешил. Тело не хотело отпускать зверя, и он позволял этому растянуться.

Переход начался медленно, тяжелее, чем у неё. Кости трещали глубже, будто сквозь них проходило что-то плотное. Плечи сжались, грудная клетка изменила форму, шерсть исчезла волнами, оставляя кожу влажной и тёмной от пота. Он опустился на одно колено, ладонь уперлась в землю, пальцы расплзлись по сырой почве, вдавились в неё, как якорь.

Не глядя принял халат от бабушки и быстро накинул на себя. После Марна вместе с Эллиан оставили мужчин и направились домой.

Ладони были шире, чем он помнил. Костяшки сбиты, кожа натянута, будто ей тесно. Вены выступали рельефнее, чем раньше, тёмные под светом из окна. Он сгибал пальцы медленно, по одному, прислушиваясь к тому, как двигались суставы.

Потом взгляд опустился ниже — на грудь, на живот, на бёдра. Тело казалось чужим, как будто его выдали вместо прежнего, чуть увеличив масштаб и не спросив разрешения. Он провёл рукой по боку, по ребрам, задержался на левом плече. Пальцы нашли место, где кожа была плотнее, чувствительнее. Он не надавливал, только держал ладонь там, будто проверял, на месте ли.

Отец молчал. Дед тоже.

Итан затянул пояс халата только с третьей попытки — ткань скользила в пальцах, узел получился слишком тугим, он развязал и завязал снова. Не смотрел ни на одного из них.

— Нам нужно поговорить, — сказал он наконец, глухо, будто слова лежали под языком всё это время.

Дариан кивнул сразу, без уточнений. Рейнар хмыкнул едва слышно и первым пошёл в сторону сарая, обойдя дом по тропинке, протоптанной годами. Доски сарая были тёмные, с пятнами старой смолы, запах масла и сухого сена вытеснил запах кухни и горячей воды из дома. Здесь воздух был другой — плотный, без мягкости.

Они зашли внутрь, не включая свет. Щель под крышей пропускала узкую полоску сумеречного неба, пыль в ней висела неподвижно. Отец закрыл дверь не до конца, оставив тонкий просвет.

Итан остановился у верстака. Провёл пальцами по столешнице, поцарапанной ножами и гвоздями, как будто проверял реальность. Дерево было шершавое, знакомое. Он оперся на него ладонями, наклонился вперёд, плечи под халатом двигались тяжело.

Отец встал сбоку, не напротив. Дед сел на перевёрнутый ящик, руки на коленях, пальцы переплетены. Никто не начинал первым. Итан выпрямился, посмотрел на свои руки снова, будто здесь, в полумраке, они станут прежними.

— Я стал больше, — сказал он спокойно, без вопроса. — Помните я вас рассказывал про... отца Аурелии и почему я вообще её привёз сюда?..

Рейнар медленно выдохнул, звук был сухой, как треск дерева. Дариан же кивнул и переставил ноги.

— Ты ведь не об этом хочешь поговорить, — проговорил отец. — Сначала говори, что тебя больше гложет. Метка?

Итан повернул голову, профиль резкий в полумраке. Несколько секунд молчал, потом ответил:

— Да.

В сарае стало теснее, хотя никто не двигался. Полоска света под крышей уже почти погасла, лица ушли в тень, остались только силуэты и звук дыхания. Итан стоял, упершись ладонями в край стола, и смотрел в доски, будто там было написано продолжение.

— Чего мне... нам ждать?

Он не смотрел ни на одного из них. Слова уходили в землю между их ногами. Дариан чуть двинулся, но не вмешивался. Остался сбоку, давая место старшему.

Рейнар провёл языком по зубам, будто пробовал ответ на вкус, и только потом сказал, медленно, без нажима:

— У всех по-разному. — Итан чуть нахмурился. Рейнар заметил это и усмехнулся краем рта, не зло, скорее устало. — Мы с твоей бабкой уже тогда жили вместе, — продолжил он, опираясь локтями на колени. — Не первый год друг друга трогали. Знали, куда лезем. — Он бросил короткий взгляд на плечо Итана. — Делали это не потому, что «так надо». Просто... дошли.

Пауза. В сарае было слышно, как где-то за стеной скреблась мышь.

— Первое время накрывает, — сказал он. — Особенно в полнолуние. Тело как будто не твоё. Тянет. Не в голове — ниже. Если рядом — легче. Если нет... — Он не закончил, но пальцы сами сжались в кулак. — Жрёшь больше. Спишь хуже. Чуешь всё. Запахи, людей, её — особенно. Даже когда она далеко. Это бесит.

Итан медленно опустил руку с плеча, но пальцы ещё какое-то время оставались напряжёнными, будто держали невидимое.

— Если она уходит, — Рейнар чуть наклонил голову, — внутри как будто пусто. Не драматично. Просто... не хватает. — Дариан тихо хмыкнул. Рейнар бросил на него короткий взгляд, но не спорил. — Мой дед, твой пра-пра дед, говорил другое, — добавил он уже тише. — Пугал.

Итан поднял глаза. Рейнар выдержал паузу, будто решал, стоит ли вообще это произносить, но всё-таки сказал:

— Если первое полнолуние не переживёте вместе — можешь сорваться. Не на чужих. На неё. — Тишина стала плотнее. — Говорил, что связь иногда перекручивает голову. Один чувствует боль второго, как свою. Не сразу понимаешь, где ты, а где она.

Дариан больше не улыбался. Стоял, сложив руки на груди, и смотрел в пол.

— И ещё... — Рейнар на секунду закрыл глаза, будто вытаскивал это откуда-то из глубины. — Были случаи, когда один умирал — второй уходил за ним через несколько дней. Просто ложился и не вставал.

Итан не двигался. Даже дыхание стало тише. Пауза тянулась. Длинная. Тяжёлая. Но Рейнар вдруг фыркнул и откинулся назад, упираясь ладонями в край ящика.

— Чушь, если честно. Пугали, чтобы не бегали по сторонам и держались друг за друга, — добавил он уже ровнее. — Работало.

Дариан коротко кивнул, будто подтверждая. Итан провёл рукой по лицу, потом снова коснулся плеча — теперь уже быстрее.

— Значит, просто ждать, — сказал он тихо.

Рейнар пожал плечами.

— Не ждать. Быть рядом.

Дариан всё это время стоял чуть в стороне, но не отстранялся — просто держал дистанцию, как будто давал воздуху пройти между словами Рейнара и тем, что в них осталось. Потом он сделал шаг ближе, медленно, без лишнего звука, и стал почти напротив Итана.

Смотрел не сверху вниз. Ровно. Положил руку на неотмеченное плечо. Словно показывая, что даже самые близкие не относились к этой связи. Никто. Только он и она.

— Ты не первый, — сказал отец, и в голосе не было ни утешения, ни тяжести. Просто факт.

Итан поднял взгляд. Чуть позже, чем надо. Дариан выдержал паузу, дал ему это время, не подталкивал.

— У всех по-разному, — добавил он, почти повторяя Рейнара. — Но суть одна и та же. — Он на секунду перевёл взгляд на плечо сына, потом обратно — в лицо. — Важно не что с тобой происходило... А как ты это держишь.

Итан чуть напряг челюсть. Почти незаметно. Пальцы сами нашли край рукава халата, сжали ткань, отпустили. Дариан чуть склонил голову, как будто оценивал не слова, а реакцию.

Итан опустил взгляд, смотрел на землю под ногами. Потом — на свои руки. Сжал пальцы, разжал. Кожа на костяшках чуть белела. Он не ответил. Рейнар медленно выпрямился, провёл ладонью по седой щетине, и в этот раз его голос звучал жёстче. Не громче — плотнее.

— В следующее полнолуние вы должны были быть вместе — это точно. На всякий случай.

Слова легли тяжело. Без объяснений. Без продолжения. Итан замер. Не двинулся сразу. Только дыхание на секунду сбилось, стало глубже, чем нужно.

Дариан не смотрел на него. Смотрел в сторону, будто давал этим словам осесть. Никто ничего не добавил. Отец первым нарушил тишину. Не спешил, не ломал её — просто вставил в неё голос, как клин между досками.

— Если ты, конечно, никого не нашёл, пока был без неё.

Он сказал это ровно, почти лениво, но уголок рта чуть дергался. Рейнар тихо фыркнул, опуская взгляд. Итан поднял голову резко. Взгляд стал жёстким, почти режущим.

— Нет, — рявкнул он.

Коротко. Почти грубо. Слово упало сразу, без раздумий. Пауза тянулась, но он не ушёл от неё. Челюсть была напряжена, вены на шее выступали чуть сильнее, чем нужно. Он сделал вдох, медленный, через нос, и голос, когда прозвучал снова, уже был ниже.

Рука снова легла на плечо. Ладонь осталась там, пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно, будто фиксировали что-то под кожей. Он стоял так несколько секунд, не двигаясь, как будто привыкал к собственным словам.

Дариан смотрел на него долго. Не как на мальчишку. Не как на сына. Ровно. Потом едва заметно кивнул. Рейнар отвёл взгляд в сторону двери, за которой темнел вечер.

— Но как быть то?.. Если она вернётся в город...

Итан не смотрел ни на кого, взгляд уходил в сторону, мимо, будто там уже что-то происходило без него. Челюсть двигалась, как будто он сдерживал лишнее, но не всё удавалось удержать. За спиной послышалось шуршание сена и тяжёлое фыркание лошадей.

— Она будет думать, что виновата в происходящем.

Он провёл ладонью по лицу, медленно, как будто стирал что-то липкое. Не вышло. Слова остались в воздухе, тяжёлые, неустроенные. Итан коротко выдохнул, но дыхание сбилось на полпути.

— Она так делает. Берёт на себя. — Рука соскользнула с верстака, повисла в воздухе, потом опустилась, но не нашла, за что зацепиться. — Я боюсь, что не смогу её помочь... Боюсь не справиться.

Голос ломался не в слове, а между ними. Он сделал вдох, но он был короткий, рваный, не наполнял. Плечи чуть опустились, как будто он наконец признал вес, который всё это время

держал на себе. Никакой злости. Никакого контроля. Только голая, неровная пауза, в которой он не знал, что делать дальше.

— Вы друг друга стоите, — внезапно усмехнулся отец.

— Она уже проходила худшее. — Коротко заметил дед. Без нажима. Но так, что спорить с этим было бессмысленно. Он чуть наклонил голову, всматривался, будто проверял, доходит ли. — И держала себя. Когда надо было — держала. Вспомни её первые самостоятельные обращения.

— Она не слабая, — согласился Дариан, кивая на слова Рейнара. — И не дура, Итан. Сможет сложить два и два.

Отец чуть выдохнул, провёл пальцами по подбородку, как будто счищал напряжение, и только потом вступил, спокойнее, тише, но не мягче. Он не спорил с дедом — продолжал.

— Возвращаясь к метке... Мы приняли Аурелию. Приняли и это. — Он кивнул куда-то в сторону, не указывая, но ясно, о чём речь. — Отметина — это не сбой. Это то, как мы устроены. — Плечо у него чуть сдвинулось, будто он подбирал слова не из головы, а из тела. — Не всегда вовремя. Но нормально.

Он на секунду замолчал, потом добавил уже почти вполголоса, без акцента, как между делом, но это осталось.

— Мать твоя не просто так дергалась. Да и сейчас дёргается. Ей кажется, что рано.

Уголок губ чуть двинулся, не в улыбку — в что-то более усталое.

— А бабка твоя, — встрял Рейнар с широкой улыбкой, — весь день после вашего ухода твердила ей: «они взрослые».

Он перевёл взгляд на Итана, уже иначе. Не сверху вниз, не сбоку — ровно, как на равного, без скидки на возраст или состояние.

— Мы не закрывали на это глаза. Но и не делали из этого катастрофу.

Итан не отвечал сразу. Он стоял, чуть подавшись вперёд, будто собирался что-то сказать, но остановился на полуслове, даже не начав. Челюсть сжалась, пальцы разжались и снова сжались, как будто тело всё ещё не догоняло, что разговор уже закончился.

Он кивнул. Один раз. Чуть резче, чем нужно.

— Спасибо.

Слово вышло коротко, почти сухо, без веса, будто он специально обрезал всё, что могло бы за ним потянуться. Дед на это никак не реагировал, только чуть откинулся назад, будто и не ждал ничего другого. Отец смотрел дольше, чем нужно, но тоже не добавил ни слова.

Итан разворачивался не сразу. На секунду задержался, будто проверял, не скажут ли что-то ещё, но за спиной — только тишина и редкий скрип дерева. Он вышел во двор, дверь за спиной закрылась глухо, без хлопка.

Холод зацепился за лицо сразу. Итан втянул воздух глубже, чем нужно, как будто пытался вытолкнуть из себя остатки чужих голосов. Плечи чуть опустились, но не до конца — напряжение осталось, просто изменило форму.

Свет в окне их комнаты неожиданно отозвался в груди лёгким теплом. Тёплый, жёлтый, слишком живой для того, что у него внутри тогда крутилось.

Глава 5

Дверь ванной открылась без звука, только влажный воздух выскользнул в коридор первым. Аурелия вышла, проводя ладонью по мокрым волосам, собирая их за спину, но они всё равно липли к шее и щекам. На ней была мягкая домашняя кофта — чужая, чуть велика в плечах — и тонкие штаны, которые она подтягивала на ходу, будто тело всё ещё не было на месте. Кожа была чистая, тёплая после воды, но это тепло не держалось — под ним оставалось что-то сжатое, как будто мышцы забыли, как расслабляться до конца.

Она сделала пару шагов по коридору и остановилась. Дом был тихий, слишком тихий, как будто её здесь не ждали. И в этой тишине она вдруг поняла — она была не одна.

— Нам нужно поговорить.

Голос разрезал пространство сразу, без подхода. Эллиан стояла у стены, в полутени, как будто давно там была и просто не двигалась.

Аурелия вздрогнула не телом — взглядом. Глаза на секунду ушли в сторону, будто она искала, куда встать, чтобы это было проще. Не нашла. Остановилась напротив, чуть ссутулившись, как будто её только что окликнули не по имени, а по вине.

— Сейчас? — шепнула она.

— Да.

Она кивнула. Быстро. Почти автоматически, будто по привычке. Руки сами находили друг друга, пальцы переплетались, потом разжимались.

— Зачем ты её пугаешь? — перебил другой голос, мягче, но с точным нажимом, и напряжение будто дало трещину.

Марна появилась из глубины дома, не спеша, будто шла сюда не к разговору, а мимо, но взгляд сразу цепил их обоих. Она остановилась ближе к Аурелии, не касаясь, но достаточно близко.

— И, кажется, никто не умрёт от того, что разговор немного подождёт или не будет вестись в коридоре, — добавила она, чуть склонив голову, и в её голосе скользила лёгкая, почти неуловимая ирония.

Эллиан на секунду сжала челюсть. Не резко. Почти незаметно.

— Это не тот случай, — сказала она уже тише.

Марна кивнула, как будто соглашалась, но не отступила.

— Тогда тем более стоит выбрать место получше, чем коридор, — она перевела взгляд на Аурелию, коротко, без давления. — Пойдём.

Аурелия не отвечала. Просто сделала шаг. Потом ещё один. И только когда прошла мимо Эллиан, почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Гостевая комната встретила их тишиной, которая уже не давила, а держала. Здесь был мягкий свет — лампа у стены, приглушённая, тёплая, без резких теней. Кровать аккуратно застелена, кресло у окна, занавески чуть шевелились от сквозняка.

Марна прошла первой, чуть отодвинула стул, будто заранее готовя место, и только потом обернулась, давая Аурелии пространство выбрать — сесть, остаться стоять, прижаться к стене. Эллиан закрыла дверь. Не хлопнула — просто довела до щелчка, и этот тихий звук оказался громче любого слова.

Теперь уже не уйти в сторону.

Аурелия не садилась. Она остановилась у стены, пальцами нашла край рукава, сжала ткань, будто проверяла — держится ли она здесь вообще. Влага с волос капала на ворот, холод пробирался под ткань, но она не двигалась, только смотрела в сторону.

— Это слишком рано, — говорит она ровным голосом, но в нём слышится напряжение, как натянутая проволока. — Слишком быстро. Вы даже не понимаете, во что влезли.

Эллиан сделала шаг вглубь комнаты.

— Односторонняя метка — это не нормально. Это не... — она замолкла на секунду, подбирая слово. — Это опасно.

Аурелия чуть вздрогнула не от слов, а от того, как они падали — коротко, без смягчений. Она опустила взгляд, будто там, на полу, легче удержаться. Спину старалась держать ровно, но казалось, что от усилий она только сильнее начала болеть.

— Ты не знаешь, как это работает, — продолжает она уже тише, но не мягче. — Ни ты, ни он.

Аурелия сжала рукав сильнее, пальцы побелели, ткань скрутилась в узел. Губы приоткрылись, но звук не вышел сразу.

— Я... Я не планировала. — Слова вышли быстро, почти неровно, без попытки их оформить. — Это просто случилось.

Эллиан сделала вдох, будто собиралась ответить, но не успела.

— Хватит. — Голос Марны словно заставил все звуки замолкнуть, даже те, что были на улице. Она сделала шаг вперёд, теперь уже явно. — Ты уже всё сказала, Эллиан.

Она не посмотрела на невестку сразу, сначала перевела взгляд на Аурелию — коротко, словно проверяя, и только потом вернула его к ней.

— Они взрослые, — продолжила она спокойно, без нажима. — И это их выбор. — Эллиан сжала губы, но не перебила. — Ты можешь не соглашаться, — добавила Марна, чуть склонив голову. — Но это уже произошло.

Пауза растянулась, и в ней было слышно, как за окном что-то зашуршало — ветер или ветки, не разобрать. Марна сделала ещё один шаг, ближе к Эллиан, теперь уже прямо напротив.

— И если ты продолжишь давить, ты не отменишь это. Ты просто испортишь отношения с ней. И с сыном.

Аурелия едва заметно подняла голову. Не полностью — только настолько, чтобы увидеть силуэты, а не пол. Марна не отводила взгляд от Эллиан.

— И ты уже начала их портить.

Марна не отступала. Она выдержала взгляд Эллиана ещё секунду, потом чуть сдвинулась, как будто смягчила линию между ними, но не убрала её совсем.

— Ты думаешь, что это началось сейчас? — её голос стал тише, но от этого не легче. — Нет. — Она сделала короткую паузу, перевела взгляд на Аурелию — на руки, на сжатую ткань, на белые пальцы — и только потом вернулась обратно. — Сегодня утром... из-за твоих слов, которые ты сказала, не подумав.

Аурелия резко втянула воздух, почти неслышно, но плечи на секунду напряглись, как от удара. Марна не остановилась. Эллиан не двигалась. Её взгляд сначала ушёл в сторону, будто она не сразу поняла, куда его деть, потом вернулся — но уже не на Марну, а ниже, мимо, в пустое пространство между ними. Бабушка чуть выдохнула. Не резко. Как будто отпускала что-то внутри, но не полностью.

— Я не говорю это, чтобы тебя уколоть, — добавила она тише, и теперь в голосе появилась другое — не мягкость, а точность. — Я говорю это, чтобы ты поняла, где граница.

Она сделала шаг ближе к Аурелии, не касаясь, просто сокращая расстояние.

— Ты боишься за неё. За него, — продолжала она, уже спокойнее, ровнее. — Я тоже. Но страх — это не повод так себя вести. Или разговаривать, словно Аурелия не отметила Итана, а убила или покалечила.

Эллиан наконец двинулась. Очень медленно. Провела ладонью по лицу, задержала её на секунду, как будто нужно было за что-то зацепиться, потом опустила. Она не ответила сразу.

— Я... — голос сорвался на полуслове, и мама сделала паузу, короче, чем хотелось бы. — Я не знала... Не хотела...

Это звучало глухо. Без защиты. Аурелия чуть подняла голову, но не смотрела на Эллиан. Просто перестала отворачиваться полностью. Марна кивнула, едва заметно.

— Теперь знаешь.

Марна не торопилась продолжать. Она дала тишине выстояться, не разрывала её словами, только медленно опустилась в кресло, чуть в сторону от Аурелии, оставляя ей пространство, но не выпуская из круга.

— Посмотри на меня, — говорит она спокойно, без нажима.

Аурелия не сразу, но всё же подняла взгляд. Ненадолго. Будто проверяла, можно ли. Марна кивнула, почти незаметно, принимая этот короткий контакт как достаточный.

— С тобой ничего «не так», — произнесла она, и голос у неё был ровный, без попытки сгладить или приукрасить. — Это не сбой.с — Она чуть склонила голову, рассматривая её внимательнее — не оценивая, а будто сверяя. — Ты не первая... И не последняя.

Аурелия медленно выдохнула. Плечи опустились, но не до конца — напряжение не уходило. Эллиан чуть двинулась на своём месте, будто хотела что-то сказать, но Марна не давала ей зайти в разговор. Даже не глядя — просто продолжила.

— Метка — это не украшение, — говорит она, и в голосе появилась сухая жёсткость. — Это связь... Она тянет. Внутрь. К другому.

Аурелия невольно повторила это движение — пальцы нашли своё плечо, задержались, будто проверяли. Но оно было пустым.

— Запахи становятся громче, — продолжала она, медленно, как будто раскладывала это на столе. — Тело быстрее, чем голова. Раздражение — без причины. И... пустота, если ты далеко. Это пройдёт. Не исчезнет... Но станет тише.

Эллиан тихо выдохнула, опуская взгляд. Марна наконец перевела на неё взгляд, разрешая вступить в разговор, но без той враждебности, что была ранее.

— Нас другое волновало, — произнесла она, посмотрев на Аурелию. — Он тебя не отметил.

Аурелия на секунду замерла, потом кивнула. Медленно.

— Я просила, — говорит она тихо, не поднимая глаз. — Он... отказался.

Марна не среагировала сразу. Только уголок губ едва заметно двинулся — не улыбка, но что-то рядом.

— Что он сказал?

— Что это не должно быть правильно, — отвечает Аурелия, с усилием подбирая слова. — Или честно. Что... этого должно хотеться.

Марна выдохнула через нос. Почти смешок, но без звука.

— Не глупый, — говорит она, уже чуть теплее. Она на секунду перевела взгляд на Эллиан, и в этом взгляде был короткий, точный укол. — Видишь, — добавила она спокойно. — Ты и Дариан воспитали из него хорошего оборотня и мужчину.

Эллиан не ответила, а просто села на край кровати. И чуть сильнее сжала пальцы на колене. Марна снова вернулась к Аурелии.

— Односторонняя метка — редкость, — говорит она уже мягче, но внимательнее. — Она держит. Но тянет криво. Сильнее с одной стороны.

Аурелия нахмурилась, не до конца понимая услышанное.

— Это не плохо, — добавила Марна сразу. — Просто... сложнее. — Она чуть подалась вперёд. — И если он не ответил сейчас — значит, держался. — Её голос стал тише. — Это лучше, чем если бы не смог.

Тишина вернулась, но теперь в ней была опора. Марна не меняла позу, только положила ладонь на подлокотник и провела по ткани большим пальцем, будто вспоминала что-то на ощупь.

— Метка — это не только про тело, — спокойно проговорила она. — Сначала — да. Жар, запах, кожа. Но потом она уходит глубже... Эмоции становятся громче, — продолжала Марна. — Не потому что ты слабая. Просто фильтр тоньше. Если тебе плохо — он чувствует. Не словами. Фоном. Как гул под кожей.

Эллиан слегка поморщилась, но смолчала.

— В полнолуние это усиливается, — добавила Марна, странно улыбаясь. — Не обязательно срыв. Иногда — просто тяга. Такая, что трудно думать о чём-то другом. Тело тянет раньше головы.

Аурелия опустила взгляд на свои руки. Пальцы чуть подрагивали — едва заметно, но достаточно, чтобы она спрятала их под рукава.

— Бывает и по-другому, — Марна чуть откинулась назад. — Я знала пару, которые решили разъехаться после метки. Думали, справятся. Через месяц он начал слышать её во сне. Не голос — дыхание. Она — чувствовать его пульс, когда оставалась одна. Они не сходили с ума. Просто... медленно переставали спать.

Тишина стала плотнее, но не пугающей.

— А бывает, что она молчит годами, — продолжала Марна. — Живёшь, как обычно. Работа, ссоры, тишина. А потом — щёлк. И тебя будто накрывает заново. Как будто метка только что появилась.

Эллиан подняла взгляд, хмурясь.

— Это редкость, — коротко бросила она.

— Да, — кивнула Марна. — Но бывало. — Она перевела взгляд на Аурелию. — И было другое. Когда связь вытаскивала. Я видела, как один вытащил другого из-под завала только потому, что знал — он жив. Не логикой. Чувством. — Марна выдержала паузу. — Метка не только тянет вниз.

Аурелия медленно подняла голову. В глазах — не страх, а попытка собрать всё это в одну линию.

— Это всегда был риск, — сказала Марна тише. — Но не приговор. — Она чуть наклонилась вперёд. — Главное — не бороться с ней вслепую. Да и не бороться вовсе. Природа всегда берёт своё.

Эллиан выдохнула через нос, уже без прежней жёсткости. Аурелия снова коснулась плеча. На этот раз не проверяя. Просто держала ладонь там, будто привыкала к мысли, что там возможно в будущем будет метка — связь с Итаном.

Мама Итана не сразу подняла взгляд. Пальцы были сцеплены слишком крепко, костяшки побелели, но голос, когда она наконец прозвучала, уже не резал, а ложился тише, почти осторожно.

— Я не против тебя, — сказала она, глядя куда-то мимо Аурелии, в край ковра. — Я просто... не хочу, чтобы ему было больно. — Она сделала паузу, короткую, как будто проверяла, не поздно ли замолчать. — Ты не понимаешь ещё, как это работает. Никто из вас не понимает до конца. И он... — взгляд всё-таки сорвался в сторону двери, за которой остался коридор, — он может думать, что держит себя. А потом нет.

Аурелия не отвечала. Только плечо чуть ушло назад, как от сквозняка, и пальцы сильнее сжались в ткани рукава.

— Я видела, как это ломало, — тише добавил он. — Не сразу. Медленно. И всегда казалось, что ты контролируешь, пока не становилось поздно.

Марна не перебивала. Дала договорить. Только когда тишина стала тяжёлой, она слегка наклонила голову, и в этом движении не было ни давления, ни спора.

— Никто не бывает готов, — сказала она ровно.

Эллиан сжала губы, но не спорила.

— Ни в первый раз. Ни во второй. Ни когда думаешь, что уже знаешь, как будет. — Она посмотрела на Аурелию, потом коротко — на дверь, туда же, куда смотрела Эллиан. — Это всегда был риск. Всегда. Но это уже произошло.

Марна встала с кресла и выпрямилась. Голос у неё стал чуть мягче, почти тёплым, но не успокаивающим — скорее собирающим.

— И они с этим справятся.

Аурелия медленно выдохнула. Не глубоко. Просто чуть дольше, чем обычно. Рука всё ещё была на плече, но уже не как защита — как привычка, к которой она ещё не привыкла.

Девушка лежала неподвижно, но глаза не закрыты, в темноте комнаты были видны только её слегка влажные волосы, рассыпающиеся на подушку, и тусклое отражение света из окна. Она услышала, как пол заскрипел — дверь медленно открылась и закрылась. Сразу почувствовала запах Итана. Кто ещё мог бы быть здесь в это время? Сердце билось чуть быстрее, но без паники. Он сел на край кровати, плечи были расслаблены, но взгляд — цепкий, внимательный. Она не двигалась, дала ему пространство, наблюдала за ним.

Через минуту он наклонился, лёг рядом и мягко обнял её. Тёплое давление тела, щетина на коже шеи и плеча — и мурашки пробежали по всему телу. Он поцеловал её волосы, спустился к шее, лёгкая щекотка, дыхание на коже. Аурелия вздохнула, ощущая, как напряжение дня растворялось в этом прикосновении, хотя внутри всё ещё тянул какой-то тонкий нерв, как будто весь день только что повторился.

— Завтра собирай вещи, — сказал он низко, почти шепотом. — После завтра едем обратно в город.

Аурелия мгновенно ожила. Одеяло сползло с плеч, руки потянулись к нему. Он улыбнулся, поглаживая её по открытой коже, по руке, затем осторожно — по груди. Они смотрели друг на друга в полутьме, глаза искали подтверждение.

— Серьёзно? — удивлённо спросила она, едва сдерживая дрожь. — Ты действительно хочешь, чтобы я вернулась?

Итан выдержал паузу, потом тихо сказал:

— Я думал... Я боюсь не защитить тебя там. Но хочу видеть тебя каждый день. Сейчас. Не ждать. Не скучать.

Аурелия прижалась к нему сильнее, ощущая его плотное тепло и дыхание на своей коже.

— Я устала ждать, — сказала она, едва шёпотом. — Устала гадать, когда ты придёшь. В лесу вообще-то не всегда связь есть.

Он обнял её крепче, так, что она чувствовала ритм его сердца. Гладил её шею, талию, грудь, руки. Лёгкая резкость в движениях, но она почти растворялась в прикосновениях, когда он скользил рукой к бедру, а губы блуждали по шее.

Аурелия откинула голову, почти смеясь, забывая про страхи, про отметину, про город.

— Ты больше не должен бояться за меня, — сказала она, широко улыбаясь. — Я взрослая. Я сама знаю, что делать.

Итан улыбнулся, и эта улыбка растеклась по лицу, нежная и опасная одновременно. Он поцеловал её в губы, и почти сразу углубился. Его руки скользили по её телу, нащупывали контуры, искали тепло и реакцию. Она отвечала, забывая, где страх, а где желание, чувствуя только этот момент — плотный, резкий и живой.

Он прижался к ней всем телом, щетина снова зашепотала кожу, дыхание становилось частым. Девушка тихо стонала, чуть выгибалась под его прикосновениями, губы Итана находили её шею, затем плечо, затем грудь.

Мужчина слегка отстранился, посмотрел на неё в полутьме, потом снова поцеловал, медленнее, дольше, словно запоминая отпечаток дня. Аурелия закрыла глаза, ощущая, как его руки снова обвивали её, как мир сжимался до этой комнаты, до их тел, до этого дыхания.

Глава 6

Свет бил в окно без занавесок, полосой ложился на пол и на раскрытую спортивную сумку. Итан стоял на колене перед кроватью, складывал футболки плотными прямоугольниками, будто собирался не уезжать, а отчитываться. Его движения были короткие, экономные, без колебаний. Молния щёлкала, ткань шуршала. Рядом — вторая сумка, раскрытая шире и набитая не так аккуратно: мягкие свитера, чужие по цвету и стилю, майки, которые явно не были его выбором.

Он поднял бровь, даже не поворачиваясь к ней.

— Я рассчитывал на три-четыре сумки. Это что, облегчённая версия?

Аурелия стояла в дверях, плечо прижато к косяку, босая, в его футболке. Волосы были собраны небрежно, несколько прядей липли к шее. Она скрестила руки на груди, будто защищалась, но улыбалась спокойно.

— Не забывай, что одежду я брала у твоих сестёр.

Итан коротко хмыкнул, проталкивая внутрь очередной свитер, прижал его ладонью, чтобы застегнуть молнию.

— Я и не заметил, как мои сёстры повзрослели...

Она фыркнула, оттолкнулась от косяка и прошла внутрь, присела на край кровати. Смелась тихо, без громкости, но по-настоящему. Воздух между ними не был натянут, не был колючим. Почти обычный.

Итан на секунду замер, когда она наклонилась, чтобы поправить край сумки. Его взгляд задержался на её колене, на тонкой ткани шорт, на том, как его футболка свободно висела на её плечах. Не оценивал. Или всё-таки да? Он смотрел чуть дольше, чем нужно. Потом отвёл глаза и застёгнул молнию до конца.

— Всё? — спросил он, поднимаясь.

— Почти, — ответила она и потянулась к прикроватной тумбочке, вытащила мелочи — резинку для волос, тонкую цепочку, зарядку. Сложила их в боковой карман, будто собирала не вещи, а следы своего присутствия.

Он взял обе сумки, прикинул вес.

— Тяжёлая.

— Я тоже, — бросила она, не задумываясь.

Он посмотрел на неё поверх плеча. Улыбка была медленная, уголком губ.

— С этим как-нибудь справлюсь.

Она встала, подошла ближе и, не говоря ничего, расправила ворот его рубашки, который он даже не заметил. Короткое касание. Пальцы задержались на секунду дольше. Он почувствовал это, но не комментировал. Только дыхание чуть изменилось.

Комната выглядела уже иначе — голая, освобождённая от её мелочей. Слишком чистая. Итан оглянулся, как будто проверял, не забыли ли что-то, но взгляд всё равно вернулся к ней. Она стояла посреди комнаты, и в этом доме вдруг стало тесно.

— Поехали? — спросил он.

— Только переоденусь, а ты спускайся.

На кухне пахло кофе и поджаренным хлебом. Окно было приоткрыто, занавеска медленно двигалась от сквозняка. Эллиан стояла у плиты, хотя завтрак давно был готов, и помещивала что-то в пустой сковороде, будто там всё ещё было дело. Сёстры, что вместе с братьями приехали на выходные, сидели за столом — одна листала книгу, вторая крутила в руках кружку, не отпивая, а третья доедала завтрак.

Итан поставил сумки у двери. Ткань глухо ударилась о пол.

— Мы поедem, — сказал он спокойно, без лишних слов.

Мама обернулась не сразу. Выключила конфорку, положила лопатку на столешницу, вытерла руки о полотенце. Подошла ближе. Внимательно посмотрела на сына. Взгляд был прямой, даже немного виноватый, но уже без прежней жёсткости.

— Доедете — напиши, — сказала она Итану, быстро обняв его.

Сёстры, что были почти на одно лицо, одновременно подняли взгляды на старшего брата. Тут и Аурелия появилась на лестнице. Девушка перевязывала хвост на ходу и поймала на себе взгляд половины семейства.

Одна из сестёр вскочила первой, забыв про книгу. Подошла к Аурелии шустро, быстро обняла и замерла. На лице девушки появилась улыбка. Хоть она и путала сестёр Итана так же, как трех младших братьев, но эту узнавала всегда. Калиса подняла взгляд на девушку, что была на половину головы выше.

— Ты ещё приедешь? — пробормотала она и слегка отпрянула.

Аурелия улыбнулась шире и обняла Калису в ответ. Но тем временем подняла взгляд на Итана, словно спрашивая у него тот же вопрос. Итан держал руки в карманах джинс и слабо улыбался.

— На такой длительный срок вряд ли, а вот на праздники или выходные — точно, — сказала она тихо, отстраняясь от сестры.

Аурелия внезапно осознала, что относится к Калисе, как к собственной сестре, которой никогда не было. Они проводили каждые выходные вместе. Частенько пропадали в лесу вдвоём, купались, а потом приходили все мокрые и грязные. Марна с Эллиан первое время ругались, но со временем обе махнули на них рукой, когда они в очередной раз повторили то, за что на них ругались. Когда Итана не было, Калиса спала вместе с Аурелией. До поздна читали друг другу книги, а потом обсуждали героев, их поступки, и как они бы поступили на их месте. Сёстрам остался последний год в школе. Потому Калиса взяла с Аурелии слово, что та поможет ей подготовиться к выпускному.

Мила и Глафира тоже обняли Аурелию на прощание, но не более. Они дольше задержались на Итане. Всё-таки старший брат как ни как.

Эллиан подошла к Аурелии последней. Обняла, чуть задержалась, а после отпрянула.

— Береги себя, — произнесла она, глядя прямо на Аурелию. — И его.

Аурелия набрала в лёгкие воздух, а затем кивнула. Короткая пауза. Неловкая, но не тяжёлая.

Итан встретился взглядом с мамой. Несколько секунд — без слов. В её глазах был вопрос. В его — твёрдость. Он едва заметно кивнул. Она ответила тем же.

Он взял сумки и вышел на крыльцо. Аурелия прошла к двери последней. Перед тем как выйти, обернулась на кухню — стол, чашки, свет в окне. Всё было на месте. Как будто ничего не менялось. Только её в этом пространстве больше не было. Когда дверь закрылась за ней, вокруг стало вдруг тише.

Во дворе она выдохнула глубже, чем собиралась. Сама не понимая — стало легче или тяжелее. Вдалеке, на грядках были Марна с Рейнаром и младшие братья. Они все подняли головы в их сторону, дружно помахали, а затем вернулись к своим делам. Мальчишки, казалось больше баловались и мешали, чем помогали.

Машина мягко выкатилась с травы на землю с песком, шины шуршали по сухой дороге. В салоне пахло тёплой кожей и слабым остатком её шампуня. Итан вёл спокойно, обе руки на руле, взгляд был прямой, сосредоточенный. Музыка была выключена. Слышно было только двигатель и редкие порывы ветра в приоткрытом окне. В стекле заднего вида были ещё видны провожающие силуэты.

Аурелия сидела, касаясь плечом двери. За окном мелькали поля, редкие дома, провода, тянущиеся вдоль дороги. Она смотрела вперёд, потом на его профиль — жёсткая линия челюсти, чуть сжатые губы. Он чувствовал её взгляд, но не повернулся к ней.

— В чём дело?

— У тебя ведь квартира... — начала она и провела пальцем по шву на сиденье. — Она маленькая.

Он коротко усмехнулся, переключая передачу.

— Да... Я ведь ещё и переехал. Квартира чуть больше прошлой, но всё равно не сравнится с домом стаи.

Она повернулась к нему, шурясь.

— Я привыкла к пространству. К тишине. К тому, что можно закрыть дверь и не слышать чужого дыхания.

— У меня ты будешь слышать всё, — ответил он спокойно. — Даже если не захочешь. — Машина вошла в плавный поворот. Он добавил, уже мягче: — Возможно, нам станет тесно друг с другом раньше, чем мы думаем.

Он улыбнулся краем губ, но пальцы на руле чуть сильнее сжали обод. Не шутка целиком. Аурелия выдохнула через нос, смотрела в окно, потом снова на него.

— Найдём другую. Лучше. Обязательно найдём. Только мне сначала нужно работу найти.

Он кивнул, не спорил. Она провела языком по губам, будто примеряла фразу, и бросила:

— Ты готов потерпеть меня в роли приживалы?

Он засмеялся — негромко, коротко, без раздражения. Смех был тёплым, живой.

— Ты правда думаешь, что я об этом думаю? — Она пожала плечом, но взгляд оставался на нём. — Мы со всем справимся, — сказал он ровно.

Девушка потянулась к его руке. Касание было короткое, почти случайное — пальцы легли поверх его запястья, где выступала жила. Тёплая кожа. Пульс под пальцами. Он на секунду убрал одну руку с руля, перевернул ладонь и сжал её пальцы. Без слов.

Они смотрели друг на друга дольше, чем нужно для дороги. В этом взгляде не было обещаний, но было согласие.

Потом он вернул руку на руль. Она убрала свою, опустила её на колено. За окном дорога вытягивалась прямой полосой. Аурелия закрыла глаза на несколько секунд, ощущая лёгкую вибрацию машины под собой. Итан время от времени бросал на неё короткий взгляд, проверяя, но не спрашивая.

Дорога тянулась вперёд. И они ехали.

Сначала на горизонте появилась сероватая полоска — неровная, будто кто-то провёл карандашом по линии неба. Потом — крыши, вышки, стеклянные блики. Машин стало больше, они сбивались плотнее, перестраивались резче. Шум просачивался в салон даже через закрытые окна.

— Я успела забыть шум города...

Итан чуть сбросил скорость. Пальцы уверенно лежали на руле, взгляд стал внимательнее — он чаще проверял зеркала, чаще щёлкал поворотником. Машина перестала плыть — теперь она двигалась рывками.

Аурелия выпрямилась на сиденье. Рука, лежавшая расслабленно на бедре, постепенно сжалась в кулак. Ткань джинсов мялась под пальцами. Она разжала ладонь, провела ею по колену, будто стряхивала невидимую пыль, и снова сжала.

Дома становились выше. Бетон ближе. Люди на тротуарах шли быстрее, чем в посёлке. Кто-то перебежал дорогу на красный, машины сигналили коротко и зло.

Она смотрела в окно. Но взгляд будто скользил по стеклу, не цепляясь ни за вывески, ни за лица. Отражение её собственных глаз в окне казалось резче, чем всё остальное. Дышала глубже. Один раз. Второй. Плечи поднимались чуть выше, чем нужно, и медленно опускались. Она облизывала пересохшие губы.

Итан бросил на неё быстрый взгляд.

— Всё нормально?

Она кивнула, не поворачиваясь.

— Да.

Голос был ровный. Слишком ровный.

Машина остановилась на светофоре. Красный свет залил салон глухим оттенком. Аурелия моргнула, будто этот цвет её раздражал. Пальцы снова сжали ткань на колене — теперь до побелевших костяшек. Свет сменился. Машина тронулась.

Город уже не был на горизонте — он был вокруг. Шум, плотность, движение. И в этом шуме что-то цеплялось за неё изнутри, как тонкая заноза, которую не видно, но невозможно игнорировать.

Она отвернулась от окна и посмотрела прямо перед собой. Не на дорогу. В пространство. Итан снова проверял зеркала. Она — своё дыхание.

Поток машин начал терять ритм, стоп-сигналы загорались один за другим, будто кто-то нажал паузу. Итан убрал ногу с газа, подался вперёд, шурился. Впереди была плотная масса людей. Кто-то шёл прямо по дороге, лавируя между машинами. Кто-то стоял, подняв руку с плакатом.

— Дерьмо, — выдохнул он почти беззвучно и включил поворотник.

Он пытался уйти вправо, но там уже было заперто. Слева — то же самое. Машины были зажаты, как зубы в капкане. Люди подходили ближе. Сначала просто проходили мимо. Потом начали останавливаться.

Аурелия выпрямилась, как будто позвоночник сам натянулся струной. Её пальцы нашли ремень безопасности, потом отпустили. Она смотрела в окно — лица были слишком близко. Губы двигались, что-то кричали, но через стекло слова звучали глухо.

Кто-то постучал по капоту. Один раз. Второй. Резко.

Итан нажал на сигнал — коротко, потом дольше. Звук тонул в общем гуле. Машину обтекали со всех сторон, плотнее, ближе. Чья-то ладонь хлопала по стеклу с её стороны. Она вздрогнула.

— Не вздумай выходить, — сказал он спокойно, но голос был жёсткий, без вариантов. — Я выйду и посмотрю, что там на этот раз...

Она кивнула, но дыхание уже сбилось. Сначала почти незаметно — грудная клетка начала подниматься чаще. Глаза бегали от одного лица к другому, цеплялись за детали — щетина, красная куртка, вспотевший лоб, палка с плакатом. Пальцы впивались в ткань на бедре, костяшки белели.

Кто-то проходил слишком близко, задевая зеркало. Машина качалась едва ощутимо.

Итан посмотрел на неё. Слишком быстрое дыхание. Слишком широкий зрачок. Он видел это раньше. Тогда — на площади, когда толпа полукровок и оборотней говорили о том, что город — это клетка, и она вдруг замолчала, глядя куда-то поверх чужих плеч. Тогда она сказала что-то и пошла в толпу. Она сказала, что видела мужчину. Она говорила про отца.

Он понял это только сейчас.

Сейчас её взгляд был такой же — расфокусированный, цепляющийся за лица так, будто среди них было одно, которое она боялась узнать.

Он потянулся к ней. Взял её лицо в ладони — аккуратно, но крепко, чтобы она не отвернулась. Тёплая кожа под его пальцами была холоднее, чем обычно. Он заставил её посмотреть на него. Наклонился и медленно поцеловал в лоб. Не торопясь. Его дыхание коснулось её кожи.

— Дыши... Я знаю, что тебе страшно. Но ты не одна. Слышишь? Я не выйду из машины, если ты *этого* боишься.

Снаружи кто-то снова ударил по капоту. Кто-то что-то закричал. Машина дрожала от шума.

Она моргнула. Раз. Второй. Глаза фокусировались на нём. Губы приоткрылись, воздух вошёл рвано, потом глубже. Её пальцы медленно разжались на ткани, оставляя смятые складки.

Он не убрал рук сразу. Ладони остались на её щеках, большие пальцы чуть касались скул. Он не смотрел на толпу. Только на неё.

Её дыхание выравнивалось постепенно. Шум снаружи никуда не исчезал, но внутри машины стало чуть тише. Она кивнула едва заметно, почти касаясь его лба своим.

Он остался. И не открыл дверь.

Итан откинулся на спинку сиденья, но не расслабился — плечи всё равно оставались напряжёнными. Смотрел сквозь лобовое стекло на людей, будто изучал не их, а траекторию возможных движений. Фары впереди отражались в чужих куртках, в пластиковых плакатах, в стекле витрин.

— Это то, о чём я говорил... Митинги.

Он произнёс это ровно, без раздражения. Как если бы говорил о пробке или погоде.

За окном кто-то шёл вдоль машин, стучал кулаком по капоту соседнего внедорожника. Там кричали в ответ. Плакат с перекошенными буквами мелькал в свете фар — слово «права» перечёркнуто чёрной полосой. Чья-то ладонь в воздухе сжалась в кулак, вены проступали под кожей.

Аурелия повернула голову медленно, будто движения давались с усилием. Смотрела не на плакаты — на лица. На открытые рты. На напряжённые челюсти. На женщину в тонком пальто, которая держала телефон и снимала, но сама дрожала от холода или страха.

— Против кого? — спросила она, и голос вышел тише, чем ей хотелось.

Он пожал плечом, не отрывая взгляда от толпы.

— Против оборотней. Против нашего присутствия. Против того... что мы вообще есть.

Где-то сбоку засигналила машина, коротко, зло. Люди не расходились. Один парень в капюшоне обернулся на звук и улыбнулся так, будто его это развлекало. Итан чуть наклонился вперёд, локти уперлись в руль.

— Мы часть жизни. Нравится им это или нет...

Без вызова. Просто сухая констатация.

Аурелия снова смотрела вперёд. В толпе были растерянные — они стояли чуть позади, держали плакаты неуверенно, будто не знали, куда деть руки. Были злые — их было видно сразу, по резким движениям, по тому, как они толкали плечами соседей. Были те, кто просто пришёл посмотреть.

Чей-то взгляд зацепился за их машину. Мужчина лет сорока, с усталым лицом и слишком внимательными глазами. Он не кричал. Просто смотрел. Дольше, чем нужно. Словно пытался разглядеть через затемнённое стекло.

Итан заметил это первым. Его пальцы едва заметно сжались на руле.

— Не двигайся, — сказал он медленно и негромко. — И не смотри на него в ответ.

Аурелия уже смотрела. Мужчина чуть наклонил голову, будто проверял догадку. Потом сделал шаг ближе к дороге. Его губы что-то произносили — слов не слышно, но по форме рта это не было приветствие.

Внутри машины стало теснее. Воздух тяжелеет, пропитывался запахом нагретого пластика и её духов. Итан включил поворотник — бессмысленный жест, потому что ехать всё равно было некуда. Жёлтый свет мигал ритмично, как пульс.

— Они разойдутся, — произнёс он, не как обещание, а как расчёт. — Сегодня же воскресенье...

Снаружи кто-то начал скандировать. Голоса сливались в гул, который вибрировал в стёклах. Мужчина с внимательными глазами отступил на шаг, но взгляд не убрал.

Аурелия провела языком по пересохшим губам и первая отвела глаза. Не к Итану — вниз, к своим ладоням. Они лежали на коленях слишком ровно, будто чужие. Итан заметил это движение и на секунду закрыл глаза, будто считал что-то внутри себя. Потом снова посмотрел вперёд. Машина оставалась на месте. И он — тоже.

Они вырвались из потока, когда летнее небо уже теряло цвет. Сначала машины начали двигаться рывками, потом медленно ползли вперёд, будто пробовали дорогу на вкус. Никто не сигнализировал. Толпа рассасалась не сразу — люди ещё стояли по обочинам, переговаривались, снимали на телефоны, но между ними уже можно было проехать. Итан не ускорялся, хотя пространство перед капотом наконец освободилось.

В салоне пахло застоявшимся воздухом и её шампунем, который теперь казался резким. Окна запотели по краям, и мир за стеклом расплывался, как если бы город смотрел на них сквозь воду. Аурелия сидела неподвижно, колени сдвинуты, пальцы лежали на бёдрах безжизненно, как будто их туда положили. Она больше не следила за дорогой. Смотрела вперёд, но не фокусировалась ни на светофорах, ни на вывесках.

Сумерки густели быстро. Фонари загорались один за другим — жёлтые пятна в сереющем воздухе. Тени от прохожих вытягивались по асфальту, ломались под колёсами. Город звучал иначе: меньше голосов, больше глухого шума шин, редкие сирены где-то вдалеке.

— Всё, — сказал Итан, когда они наконец свернули на более пустую улицу, что вела к дому, где он живёт.

Она не ответила. Даже не повернула голову. Только моргнула медленнее обычного, будто усталость давила на веки изнутри.

Он бросил на неё короткий взгляд. Его челюсть была напряжена, на виске пульсировала тонкая жилка. Он приоткрыл окно на пару сантиметров — в салон ворвался холодный воздух, резал кожу, приносил запах пыли и сырости. Аурелия вздрогнула, но не попросила закрыть.

Проехали знакомый перекрёсток, кафе с облупленной вывеской, аптеку, где она когда-то заказывала подавители. Всё было на своих местах, но как будто отодвинуто дальше, чем было. Витрины казались темнее. Люди — чужими. Даже свет в окнах домов выглядел настороженным, как если бы за шторами кто-то наблюдал.

Итан остановился на красный. Машина тихо вибрировала. Он провёл ладонью по лицу, медленно, словно стирал что-то невидимое. Потом положил руку обратно на руль.

— Почти приехали, — произнёс он, не глядя на неё.

Аурелия кивнула едва заметно. Её губы были сухие, она облизывала их машинально и тут же сжимала, будто вкус был неприятен. Плечи опущены, спина касалась сиденья полностью — раньше она так не сидела, всегда немного подавалась вперёд, будто готовая к движению. Сейчас она будто позволила креслу держать её.

Квартира встретила их тишиной, в которой слишком отчётливо слышался щелчок выключателя. Свет зажгся не сразу — лампа моргнула, будто раздумывая, и только потом залила коридор бледным жёлтым. Итан зашёл после неё. Дверь закрылась глухо. Он повернул ключ один раз, потом второй. Металл в замке скрипел коротко, уверенно.

Комната оказалась узкой: диван почти вплотную к стене, стол у окна, на подоконнике пыль, подсвеченная фонарём с улицы. Частицы медленно кружились в воздухе, как будто здесь давно никто не двигался резко.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Пальцы скользили по спинке стула, по краю стола, будто она проверяла, настоящее ли это. После дома родителей — с его лестницей, с дверями, которые можно было не закрывать, — здесь всё было сжато. Стены ближе. Потолок ниже.

Итан поставил сумки у стены и провёл ладонью по затылку. Рубашка на нём была помята, ворот расстёгнут.

— Всё нормально, — сказал он, не глядя на неё. — Я пока не освободил тебе полки. Завтра можешь сама решить, что и куда. Пока я буду на работе.

Он произнёс это спокойно, без оправданий. Она кивнула слишком быстро. Её взгляд скользнул по полкам — на них были книги, аккуратно выстроенные, несколько папок, какие-то мелкие вещи, которые не хотелось трогать.

— Хорошо, — ответила она. Голос звучал ровно, но она прочистила горло, будто в нём застряла пыль.

Итан подошёл ближе и коснулся её плеча. Не сжал. Просто положил ладонь — тёплую, тяжёлую. Она ощутила это прикосновение сразу всем телом, будто кожа стала тоньше. На секунду её плечи поднялись, потом опустились обратно.

— Не так я хотел этот выходной провести...

Аурелия кивнула и прошла к окну. Стекло было холодным, когда она коснулась его кончиками пальцев. С улицы тянул влажный воздух, внизу проезжали машины, их фары скользили по потолку короткими вспышками. Где-то вдалеке слышалась сирена — протяжная, усталая, как будто и она не хотела никуда спешить.

Итан стоял сзади не подвижно. Рука, что лежала на её плече, мягко массировала кожу под тканью. Девушка прикрыла глаза, наклонившись к нему. Между ними остался тонкий зазор — несколько сантиметров воздуха, которые вдруг казались важнее всего остального.

Глава 7

Утро в управлении началось не со света, а со звука. Скрипнула тяжёлая входная дверь, где-то внутри коротко трещала рация, и сразу же запах — крепкий кофе, дешёвые сладости из картонной коробки, старая бумага. Воздух был густой, тёплый, будто его не меняли со вчерашнего вечера. Итан прошёл через рамку металлодетектора, кивнул дежурному и не остановился. В коридоре ещё было пусто — несколько офицеров у стойки, уборщица с ведром, пара включённых ламп под потолком. Он приходил раньше большинства, и это было удобно: меньше разговоров, меньше чужих лиц.

На стене возле лифта висела доска с фотографиями сотрудников. Новая. Часть мест пустовала. Фамилии, которые раньше висели под логотипом Серого Контур, теперь были приколоты рядом с обычными полицейскими жетонами. Без отдельного отдела. Но хотя бы с отдельным кабинетом.

Итан провёл пальцем по шраму на лице. Кожа там была плотнее, чуть холоднее остального. Движение было короткое, почти механическое. Он делал это, не глядя в зеркало, просто проверял — как проверяют карман, где лежит удостоверение. Дальше пальцы прошли по металлической цепочке и рулетке с бейджем, показывающему всем, что он — оборотень.

Лифт гудел медленно. Внутри пахло металлом и старым одеколоном. Когда двери открылись на третьем этаже, коридор уже просыпался: кто-то ставил коробку с делами на стол, кто-то спорил над рацией.

Разговоры стихли на секунду, когда он прошёл мимо. Некоторые кажется демонстративно не смотрели. Просто делали вид, что заняты. Один офицер листал бумаги слишком внимательно, хотя страницы давно перевернуты. Другие смотрели. Дольше, чем нужно. Итан чувствовал это спиной. Не обернулся.

Он прошёл мимо кофейного автомата. Пластиковые стаканчики громыхали внутри механизма. Двое патрульных стояли рядом, один из них тихо рассказывал о том, как на вчерашнем митинге несколько людей устроили драку, а они даже не сразу начали их разнимать. Это их забавляло. Итан иногда проклинал свой волчий слух. Потом мужчины резко замолкли, когда оборотень оказался в двух шагах. Второй провёл взглядом по его лицу, задержался на шраме.

— Утро, — сказал Итан ровно.

Они ответили не сразу. Один кивнул. Второй сделал вид, что не услышал.

Итан пошёл дальше. Дверь в их кабинет стояла в конце коридора. Табличка была новая — обычная полицейская, без знака Серого Контур. Просто фамилии. Каллен Вирт. Роан Хальвек. Итан Рейк.

Он на секунду задержал взгляд на имени Роана, как и каждый раз до этого. Всё никак не мог привыкнуть, ведь раньше было наоборот.

Итан открыл дверь. Внутри было прохладно, окно приоткрыто. Свет ещё не включён, только серый утренний воздух лежал на столах. Три стола, шкаф с делами, доска с фотографиями и схемами, которые уже начинали перекрывать новые бумаги.

Он поставил сумку на стул, расстегнул ветровку. Пальцы сами тянулись к вороту рубашки. Ткань немного жала там, где под кожей осталась отметка. Он поправил ворот, как будто это обычная складка.

Шаги в коридоре проходили мимо. Кто-то смеялся. Кто-то хлопал дверью.

Итан сел за стол и открыл папку с делом. Бумага сухо шуршала. Через стекло в двери он видел, как двое полицейских остановились в коридоре. Один рассказывал о своих детях, второй смотрел прямо в кабинет. Секунду. Потом они пошли дальше.

Итан не поднимал головы. Но страницу переворачивал чуть медленнее, чем нужно.

Каллен пришёл без стука. Дверь толкнулась плечом, ударилась о стену и вернулась обратно на пружине. В кабинет сразу вместе с ним вошёл запах улицы, табака и крепкого кофе. Он нёс пластиковый стаканчик, из которого уже расплзлось тёмное пятно по крышке.

Он упал на стул, вытянул ноги под столом и шумно выдохнул, будто только что пробежал лестницу. Куртку даже не снял. Стаканчик поставил рядом с папкой, пролистал несколько страниц, криво усмехнулся и бурчал об отчётах Сайлы себе под нос, почти не открывая рта. Бумага шуршала у него лениво, как будто дело — просто способ занять руки.

Итан сидел напротив. Спина ровная, локти на столе. Он читал отчёт медленно, двигая пальцем вдоль строк, будто проверял, не пропустил ли чего. Шум в коридоре проходил через дверь глухо — шаги, голоса, звон посуды где-то в комнате отдыха. Он не смотрел на Каллена, но слышал каждое его движение: как тот скрёб ногтем по краю стаканчика, как переворачивал страницу слишком резко.

Роан появился вскоре за Калленом. Его почти не было слышно. Он сел у окна, аккуратно разложив перед собой бумаги. Папка раскрыта ровно, отчёт прижат ладонью, чтобы не сворачивался. Он читал молча, иногда делал пометки коротким карандашом. Карандаш почти не скрипел.

Каллен вдруг остановился на середине страницы. Поморщил нос. Он посмотрел на Итана поверх края папки.

— Рейк... ты что, наконец перестал жить как монах?

Итан поднял глаза не сразу.

— Что?

Каллен ухмыльнулся шире. Он снова втянул воздух носом, демонстративно, как собака на следе.

— От тебя пахнет.

Пауза тянулась коротко, но ощутимо. Роан поднял глаза от отчёта. Движение тихое, почти незаметное. Его взгляд остановился на Итане — спокойный, ровный. Слишком внимательный. Каллен откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Подружку завёл?

Итан уже открыл рот. На секунду.

Перед глазами вспыхнула городская площадь, другой день — кровь на асфальте, рваная кожа на руке Каллена, бинты в руках Сайлы, лицо Аурелии, искажённое болью. И Роан, стоящий рядом, слишком спокойный, когда вокруг уже кричали.

Он закрыл рот. Взял ручку.

— Да. Появилась.

Каллен хмыкнул, будто услышал долгожданную новость. Он снова взялся за кофе, отпил и поморщился — напиток, похоже, уже остыл. После фыркнул и встал со стула. Снял куртку и небрежно повесил на вешалку. Затем закатал рукава рубашки. Взгляд Итана невольно упал на шрамы левого предплечья Каллена. Те, самые, что оставила Аурелия в день помешательства.

Роан ничего не сказал. Его карандаш остался между пальцами, но он больше не писал. Он смотрел на Итана несколько секунд, не мигая, будто проверял что-то, чего нет в бумагах. Итан чувствовал этот взгляд.

Он опустил глаза в отчёт, перевернул страницу и сделал вид, что ищет строчку внизу. Бумага шуршала чуть громче, чем должна. Через пару секунд Роан снова опустил голову к папке. Карандаш тихо коснулся бумаги.

В кабинете снова было слышно только шелест страниц и глухой шум коридора за дверью.

Папка с делом лежала на середине стола. Картон уже мягкий на углах, будто его открывали слишком часто. Итан провёл пальцем по скрепке, отогнул край страницы и перевернул. Бумага сухо шуршала.

Каллен потянулся через стол и подцепил одну из фотографий. Снимок был сделан ночью — вспышка выбелила асфальт, кровь выглядела почти чёрной. Он посмотрел несколько секунд, потом хмыкнул и положил фото обратно в папку.

— Третий за два месяца, — говорит он, откидываясь на спинку стула. — И каждый раз одно и то же... Роан, ты не пытался забрать похожие дела у другой группы?

— Не отдают.

Итан ничего не ответил, а только дёрнул левым плечом. Он держал в руках отчёт патологоанатома и читал медленно, двигая взгляд по строкам. В углу листа было тёмное пятно от чужих пальцев — кто-то листал это дело ночью, с кофе или сигаретой.

На фотографиях оборотень лежал на боку. Человеческая форма, но кожа местами уже рвалась, будто тело пыталось вывернуться изнутри. Плечо было разодрано глубоко, рёбра видны через мясо. Раны широкие, рваные. Похоже на зверя. Но в папке не было ни одной строки о запахе.

Роан перевернул страницу в своей копии отчёта. Движение аккуратное, почти тихое. Он читал не фотографии — текст. Каллен постукивал пальцем по столу.

— Полицейские уже записали, что это оборотень. Очередная «потеря контроля». Рейк, ты не слышал, что говорят об этом другие?

Он говорил это без особого интереса, будто повторял знакомую формулу. Итан закрыл папку на секунду, провёл ладонью по лицу и снова открыл. Взгляд задержался на строке внизу страницы.

— То же, что и про все подобные дела... — шепнул Итан. — Следов второго оборотня нет в других отчётах, — добавил он.

Каллен усмехнулся.

— Знаю. Я тоже читать умею.

Он наклонился вперёд, вытащил ещё одну фотографию. На ней был кусок стены склада, где нашли тело. Грубый бетон. Кровь была размазана вдоль трещины, как будто кого-то протаскивали. Каллен наклонил снимок к свету.

— Если это зверь его так, то он был невидимкой. Ни запаха, ни шерсти, ни отпечатков.

Роан закрыл свою папку.

— Не похоже на другого оборотня...

Он сказал это спокойно. Не громко. Но слова упали в кабинет тяжело. Каллен коротко кивнул, будто подтверждал что-то очевидное.

— Да я и сам это вижу. Будто он сам себя так... когда обращался. А потом... просто умер? На перегрузку что ли спихивают? Рейк, что пишет патологоанатом?

— Про разодранные мышцы и смерть из-за потери крови.

— Когда это мы умирали из-за потери крови во время обращения? — иронично спросил Каллен, скаля зубы в ухмылке. — Века два назад?

— Никогда, — подмечает Роан, подняв на него взгляд.

— Да не, — вздохнул Каллен, закинув ногу на ногу. — Я о тех случаях, когда людей якобы кусал оборотень, и они умирали во время обращения.

— Ты про ликанов? — уточнил Итан, разглядывая фото с травмами.

— Да, — кивнул Каллен, указав пальцем в его сторону. — Еще века два назад медицина опровергла факт того, что оборотнем можно стать, и что наши укусы в принципе могут повлиять на человека.

— Я понял о чём ты, — кивнул Роан, слабо улыбнувшись. — Тогда эта новость сильно людей взбудоражила.

— Ага, — шепнул Каллен, закинув голову на спинку стула. — Люди всегда завидовали нашему долголетию и здоровью... И, кажется, никогда нам этого не простят...

— Не только это... — вторил ему Итан.

Дверь кабинета приоткрылась без стука. В проёме появился полицейский детектив — широкие плечи, галстук сбился набок. Эдди Хейп — заместитель шефа полиции. Он держал в руках ещё одну папку и смотрел на них так, будто зашёл проверить, не развалился ли кабинет.

— Ну что, — заговорил он, заходя внутрь, — разобрались со своим зверем?

Каллен даже не посмотрел на него.

— Со своим?..

Детектив положил папку на стол и открыл её. Там были те же фотографии. Те же раны.

— У вас же нюх, — сказал он, скользнув взглядом по Итану и Роану. — Лучше нас знаете, когда зверь с цепи срывается.

Роан встал со своего места.

— Это не оборотень сделал с ним.

Эдди улыбнулся так, будто слышал старую шутку.

— Конечно. Конечно не оборотень. — Он хлопнул папкой по столу и выпрямился. — Тогда объясните мне, чем это сделано.

В кабинете стало тихо. Каллен медленно поставил стаканчик с кофе на стол. Крышка тихо щёлкнула. Итан снова посмотрел на фотографии. Рваные раны. Глубокие, будто оставленные когтями. Но слишком ровные по краям. И всё равно — ни запаха. Роан подошёл, закрыл папку и сказал:

— Мы ждём последние отчёты.

Детектив криво усмехнулся.

— А, точно. Ваша девочка из лаборатории.

На этих словах лицо Каллена дёрнулось, а зубы оголились в оскале. Заместитель, не заметив этой реакции, развернулся к двери.

— Когда она скажет, что это не зверь, позовите меня. Интересно будет послушать.

Дверь закрылась чуть громче, чем нужно. Каллен посмотрел на папку ещё пару секунд, потом провёл рукой по лицу.

— Люди...

Итан не ответил. Он снова открыл отчёт и искал ту строчку, где было написано, что запаха зверя на месте не было. Страница шуршала под пальцами. В кабинете снова было слышно только карандаш Роана, что успел вернуться к своему столу, и глухой шум коридора за дверью.

Они выехали через двадцать минут. Каллен бросил ключи на стол, взял их обратно и первым вышел из кабинета, даже не беря папку. Роан забрал её молча, прижал к груди и пошёл следом.

Машина стояла у бокового входа — старая служебная «школа», серый кузов в пыли. Каллен сел за руль и сразу хлопнул дверью так, что стекло в окне на секунду дрогнуло. Итан устроился на пассажирском сиденье, Роан — сзади. Двери закрылись почти одновременно, и в салоне на секунду стало тихо, как будто они нырнули под воду.

Каллен завёл двигатель. Машина дёрнулась, мотор зарычал и выровнялся. Он выехал со стоянки слишком резко, колёса зацепили гравий.

— Люблю, когда люди думают, что всё знают.

Он сказал это, не глядя ни на кого. Руки на руле были напряжены, пальцы постукивали по коже. Роан сидел сзади ровно, папка лежала на коленях. Он смотрел в лобовое стекло поверх их плеч.

— Вот именно. Они думают, что знают.

Каллен коротко фыркнул.

Машина выехала на улицу. Утренний поток уже был плотный, светофоры мигали жёлтым между переключениями. Каллен резко вклинился между двумя фургонами, водитель одного засигналил, но он даже не повернул головы.

Итан смотрел в окно. Город ещё не проснулся до конца, но воздух уже был тяжёлый. На перекрёстках стояли полицейские машины, на столбах висели порванные ленты, которыми вчера перекрывали улицы. Плакаты валялись у бордюров — картон размок от ночной влаги, буквы расплзлись. Один плакат был прижат колесом к асфальту. Чёрная краска была размазана, но слово «против» всё ещё читалось.

Итан втянул воздух через нос. Запахи были смешаны: выхлоп, мокрый бетон, дешёвый табак из открытого окна соседней машины. И под всем этим — остатки вчерашнего. Пот, адреналин, человеческая толпа, которая стояла слишком долго в одном месте.

Каллен повернул на узкую улицу, мотор гудел громче.

— Если это снова «зверь», я лично пойду и укушу кого-нибудь из отдела, — говорит он. — Чтоб им легче стало писать отчёты.

Роан листал папку, страницы тихо шуршали.

— Это не зверь.

Каллен бросил на него короткий взгляд в зеркало заднего вида.

— Да знаю я!

Он переключил передачу и добавил газа. Машина вырвалась из потока, и здания начали скользить быстрее. В окнах мелькали лица, остановки, рекламные щиты. Где-то впереди сирена тянулась тонко, как натянутая проволока.

Итан продолжал смотреть в окно, и невольно дёрнул левым плечом. Город выглядел так, будто его слегка сдвинули ночью — всё на месте, но линии стали резче, тени темнее. Люди на тротуарах шли быстрее обычного, плечи были подняты, глаза не задерживались на чужих лицах.

Машина проехала мимо перекрёстка, где вчера стояла толпа. Асфальт там до сих пор был тёмный от воды, которой смывали что-то с дороги.

Каллен резко затормозил перед светофором. Машина дёрнулась и замерла. На секунду в салоне снова стало тихо. Итан смотрел вперёд на пустую улицу, где красный свет отражался в лобовом стекле. Потом светофор переключился, и машина снова тронулась.

Промзона началась резко — дома оборвались, асфальт стал грубее, а воздух тяжелее. Склады стояли рядами, серые, прямые, с облупленной краской на воротах. Между ними тянулись пустые проезды, где ветер гонял бумагу и полиэтилен.

Машина остановилась у ржавых ворот. Полицейская лента была натянута между двумя столбами, жёлтая полоска лениво колыхалась на ветру. Рядом стояла патрульная машина, двигатель работал на холостых.

Каллен заглушил мотор и первым вышел наружу. Дверь хлопнула глухо. Он провёл ладонью по затылку и оглядел территорию, будто искал, где тут можно закурить. Но ничего нового не нашёл. Всё было так же, как и вчера. Итан вышел следом. Холодный воздух сразу цеплял кожу. Он закрыл дверь медленнее и на секунду замер, втягивая воздух через нос. Запах здесь был плотный. Металл. Старая сырость. Масло, впитавшееся в бетон. И под всем этим — кровь. Она уже подсохла, но запах оставался, тянулся вдоль стены склада, где была натянута лента. В отличии от Роана и Каллена, он сегодня здесь был впервые. Роан прошёл мимо них, поднял край ленты двумя пальцами и кивнул головой, пропуская мужчин вперёд.

Асфальт внутри ограждения был темнее. Там, где лежало тело, остался широкий тёмный след, словно кто-то пролил ведро густой краски. Кровь ушла в трещины, но её всё равно было видно и слышно — матовые пятна на сером бетоне.

Итан присел рядом. Не касался пятна. Просто смотрел. И нюхал. Он провёл взглядом вдоль стены. Бетон был шероховатый, на уровне человеческих плеч — длинная полоса, где кровь была размазана, будто тело на секунду ударилось о стену. Он наклонил голову чуть в сторону, как будто пытался услышать что-то в этом месте.

Ветер принёс запах с дороги — бензин, пыль. Но под ним всё ещё держалась металлическая тяжесть крови. Итан поднялся и сделал несколько шагов вдоль стены. Каллен стоял в стороне, сунув руки в карманы. Он смотрел на землю и лениво пинал маленький камень носком ботинка.

— Ничего нового мы тут всё равно не найдём, — недовольно пробубнил он, подняв взгляд на Итана.

Итан не ответил. Он остановился у края пятна и посмотрел на бетон чуть дальше, где кровь заканчивалась резко, как отрезанная. Он присел снова. Пальцы зависли над трещиной в асфальте. Там был след. Едва заметный. Слишком узкий для лапы. Даже нет... Это словно штрих. Словно вскользь провели карандашом или углом подошвы, что оставляет следы.

Роан подошёл ближе. Его шаги были тихие, почти неслышные. Он посмотрел через плечо Итана, потом на стену, потом на землю.

— Что-нибудь чувствуешь новое... другое?

Итан не поднял головы.

— Нет... Видишь этот след?

— Срез? Словно полоснули чем-то.

Каллен фыркнул позади них.

— Вся надежда на тебя, Рейк, — притворно взмолился Каллен, подходя ближе к ним со спины. — Ну, давай. Ты же двуногий...

Он улыбнулся криво, уголок губ поднялся только с одной стороны.

Итан выпрямился. Его взгляд скользнул по пустому двору, по воротам склада, по ржавым контейнерам у стены. Ветер снова прошёл по территории, шурша лентой. Запах крови почти исчез, но не до конца.

— Толку то... — шепнул он.

Итан стоял неподвижно ещё секунду, будто слушал что-то под этим запахом. Потом медленно перевёл взгляд на дальний угол склада, где бетон был темнее, чем должен быть.

Дверь архива закрылась тяжелее, чем должна. Металл скользнул по коробке с глухим щелчком, будто комната проглотила звук.

Здесь всегда пахло одинаково: старой бумагой, пылью и холодом от перегруженных серверов. Узкий свет ламп падал на ряды коробок, на серые папки, на провода, которые тянулись по полу как корни. В дальнем углу горели два монитора. Их голубой свет делал комнату ещё тише.

Мира сидела там же, где обычно. Спина слегка согнута, светлые волосы собраны небрежно, карандаш зажат между пальцами. На столе было открыто сразу несколько дел — страницы разложены веером, некоторые отмечены липкими жёлтыми флажками. Она не подняла голову, когда дверь закрылась.

— Тебя не заметили? — спрашивает она спокойно, проводя ногтем по строчке в распечатке.

Итан не ответил сразу. Он прошёл между стеллажами, дёрнулся левым плечом, поправляя ткань рубашки, и сел на пустой стул.

— Конечно нет.

Мира тихо хмыкнула и наконец подняла взгляд. Несколько секунд она просто смотрела на него — коротко, внимательно, будто сверяла что-то с тем, что хранилось у неё в голове. Потом потянулась к стопке папок рядом.

— Я нашла кое-что. — Она двинула их по столу к нему. Папки были тяжёлые, старые, края бумаги потемнели. — Верхнее дело — почти точь в точь то, что у вас сейчас. Старое, как не знаю что...

Итан открыл эту папку. Бумага шуршала слишком громко для этой комнаты. Фотографии внутри были матовые, выцветшие. Кожа была разорвана одинаковыми дугами, будто кто-то сжал челюсть и потянул. Он перевернул страницу. Потом ещё одну.

Мира наблюдала за его руками.

— Я сначала думала, совпадение, — проговорила она. — Решила тебе показать.

Итан положил ладонь на край стола, наклоняясь ближе к свету монитора.

— Сколько еще таких нашла?

— Пока одно. Может их и больше, не знаю, — пожимает плечами Мира, положив карандаш за ухо. — Я не столько сами дела просматриваю, сколько сортирую всё по десяткам и сотням полкам. Это нашла, потому что в один момент стало скучно, — прошептала Мира, словно признаваясь в страшном секрете.

— Тебе то? — усмехается Итан, подняв взгляд с папки на девушку.

Она широко улыбнулась, морща нос. После пауза растянулась. Слышно, как где-то в серверной щёлкало охлаждение. Мира закрыла папку, убирая её в отдельное место.

— Как Аурелия?

Вопрос был брошен тихо, почти между делом. Она кликнула мышкой, открывая другой файл, будто разговор её не особенно касался и поднимался не один десяток раз. Итан молча отвёл взгляд, потирая плечо с отметиной. Мира не смотрела на него, но пальцы на мышке замерли.

— Что такое?

Он выдохнул через нос, коротко.

— Она вернулась в город, буквально вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.